Возьми меня с собой

Автор:
Татьяна Бочарова

Возьми меня с собой

Татьяна Александровна Бочарова

Детектив сильных страстей. Романы Т. Бочаровой

Оставшись после измены мужа одна с маленькой дочкой, Лера устраивается в больницу. У нее складываются теплые отношения с одним из пациентов – молодым художником Андреем. Она пытается побороть зарождающееся чувство, однако ее как магнитом тянет к нему. Однажды ночью Андрею внезапно стало плохо. Судя по записям в карте, причина ухудшения – неверно назначенная Лерой дозировка лекарства. Налицо грубая профессиональная ошибка, ей грозит служебное расследование и отстранение от работы. Неужели она своими руками едва не убила любимого? Или все намного сложнее и страшнее?

В своих романах Татьяна Бочарова синтезирует разные жанры: это и детектив, и мелодрама, и обязательно лирическая история о человеческих чувствах и переживаниях. Ее герои – простые люди, наши с вами современники, которые волею судьбы оказались в сложной ситуации. Им предстоит сделать непростой выбор, разобраться в дебрях козней и обмана, не сломаться, выстоять, помочь не только себе, но и тем, кому необходима их помощь.

Татьяна Бочарова

Возьми меня с собой

© Бочарова Т., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

1

– Мамочка, милая, не уходи! Пожалуйста, не уходи, забери меня с собой! – Машка захлебнулась слезами и с невероятной силой вцепилась в Лерину руку.

Та попыталась высвободиться и, стараясь не глядеть на бледное, зареванное лицо дочери, ласково погладила ее по белокурой головке:

– Маша! Ну, Машенька! Тише, ты ведь уже большая. Я скоро вернусь. Ты покушаешь, поспишь, и я сразу…

– Нет! – горьким шепотом перебила девочка. – Я не хочу! Хочу сразу с тобой! Сейчас! – Она уткнулась ей в бок, продолжая бормотать что-то жалобное и неразборчивое.

Лера беспомощно оглянулась на стоящую рядом воспитательницу, веснушчатую девицу в больших очках на курносом носу. На равнодушно-сонном лице девицы явственно читались скука и легкое презрение – вероятно, подобные сцены в детском саду были не редкостью.

– Идите, мамочка. – Веснушчатая цепко обхватила рыдающую Машку за плечи. – Идите, ребенок сам успокоится.

Она неожиданно умелым, ловким движением оторвала девочку от Лериного бока и быстро повела в группу. Машка, упираясь, заревела в голос, но воспитательница мигом втолкнула ее в комнату и захлопнула дверь.

Лера осталась одна посреди раздевалки. Она стояла между рядами шкафчиков со смешными, яркими картинками и чувствовала себя так, будто у нее только что отрезали и унесли руку или ногу. Напряженно прислушиваясь к приглушенному плачу за закрытой дверью, Лера машинально дотронулась до блузки, в том месте, где ее касалось Машкино лицо. Ткань была совсем мокрой и почему-то горячей.

Лера сделала несколько неуверенных шагов к выходу, но тут же остановилась и вернулась на прежнее место. Крадучись, точно вор, она подобралась к двери и приоткрыла ее. Тотчас навстречу ей высунулось свирепое лицо нянечки.

– Куда лезешь? – злым шепотом вопросила старуха. – Чего дитю душу вынимаешь? Сказано тебе, иди с Богом, стало быть, ступай! – Женщина внимательней глянула на Леру и смягчилась: – Не ты первая, не ты последняя. Успокоится, никуда не денется, ты, девка, даже не сомневайся. Вон сама-то бледная какая, не ровен час, худо станет. – Бабка сочувственно покачала головой: – Дать водички?

– Нет, спасибо. – Лера с трудом заставила себя улыбнуться. – Все в порядке. Я сейчас уйду. Вы только помягче с Машей, ей и так несладко пришлось, я заведующей рассказывала. Она к отцу очень привязана, а так получилось, что… – Лера замялась, чувствуя себя униженной, оттого что приходится выкладывать незнакомому человеку неприятные подробности своей жизни, но нянечка неожиданно пришла ей на помощь.

– Знаю, знаю, – махнула она рукой, – все знаю. Вера Васильевна говорила и мне, и Кате, Катерине Михайловне то есть. – Старушка кивнула на дверь, явно имея в виду очкастую воспитательницу. – Ступай, дочка, все образуется.

Лера послушно повернулась и вышла. На душе было мерзко, терзало чувство вины перед Машкой. Хотелось вернуться, наговорить веснушчатой Катерине Михайловне кучу гадостей, объяснить, что никто не имеет права презрительно смотреть на них. У Машки есть все причины так себя вести – пережив сильнейший стресс, девочка нуждается в понимании и сочувствии.

Лера с трудом подавила в себе эти желания. Обойдутся они и без чужой жалости!

Она решительно запахнула плащ, раскрыла зонтик – на улице моросил мелкий, противный дождик – и взглянула на часы: без десяти девять. Их расставание с Машкой затянулось почти на час. А в девять Лере нужно быть в больнице.

Она очнулась, словно выйдя из ступора, и бегом кинулась к остановке, куда подъезжал заляпанный грязью автобус. Дверцы захлопнулись прямо у Леры за

спиной, и автобус медленно и тяжело покатил по лужам.

Ровно в девять Лера уже поднималась по плоским ступенькам ближайшего к ограде корпуса. Всего их было три, они располагались параллельно друг другу. Боком к ним стоял пищеблок, а совсем на отшибе белело маленькое, одноэтажное здание морга.

Лера сунула под нос охраннику выписанное ей накануне удостоверение и проскользнула в лифт. Следом за ней вошел молодой вихрастый санитар, приветливо поглядел на девушку и улыбнулся:

– На шестой.

– На пятый. – Лера улыбнулась ему в ответ.

– Жаль, чуть-чуть не попал. Я думал, в хирургическое, к нам. Медсестра?

– Врач.

Парень уважительно кивнул. Лифт остановился.

– Ну, пока! – Вихрастый помахал огромной пятерней. – Заходи, когда будет время. Спросишь Антона, меня тут все знают.

– Обязательно! – насмешливо проговорила Лера и вышла.

Коридор пятого этажа, где находилось терапевтическое отделение, оказался неожиданно безлюдным, лишь в самом его конце гремела ведром санитарка. На банкетке у окна сидели две женщины, облаченные в халаты, и тихонько о чем-то беседовали. На прошедшую мимо Леру они даже не взглянули. Аккуратно ступая по только что вымытому и еще влажному линолеуму, она добралась до ординаторской, дверь в которую была прикрыта, и постучала. Ответа не последовало, и Лера заглянула внутрь.

Комната была пуста, однако на столе лежала стопка медицинских карт, стояла недопитая чашка кофе, а на спинке стула висела серая вязаная кофта. Лера прошла в смежную с ординаторской гардеробную, отыскала свободный

шкафчик, скинула плащ и жакет и достала из сумки форму – халатик и шапочку, выданные ей завхозом.

Она уже пристроила плащ на вешалку, когда легонько скрипнула дверь и в ординаторскую зашла высокая фигуристая блондинка. Глаза и губы ее были густо накрашены, волосы туго забраны в пучок на макушке. Блондинка уверенными шагами пересекла комнату и остановилась у соседнего шкафчика.

– Новенькая? – Тонко выщипанные брови девушки слегка поднялись, глаза неопределенного, дымчато-серого цвета уставились на нее с любопытством и дружелюбно.

– Да. – Лера кивнула и сунула вешалку в шкаф.

– Как зовут? – Блондинка не спеша расстегнула молнию на кожаной курточке, явив взгляду пышный, обтянутый трикотажной водолазкой бюст.

– Лера, – ответила она, – Валерия.

– А я Анна. – Девушка окончательно избавилась от куртки и принялась натягивать на свои потрясающие формы халатик, который явно был ей тесноват. – Ты на место Светки?

– Не знаю, – пожала плечами Лера. – Я сама по себе. По крайней мере, мне ничего не говорили по поводу Светки, я даже не знаю, кто она такая.

– Страшная стерва! – уточнила Анна, пристально взглянула на нее и неожиданно весело расхохоталась. Смеялась она так заразительно, что Лера невольно присоединилась к ней. Несмотря на явную вульгарность и грубость, Анна ей нравилась.

– Куришь? – Анна застегнула на груди последнюю пуговку, вытянула из сумки пачку «Кэмела» и зажигалку в форме слоника.

– Иногда.

– Тогда пойдем постоим на балкончике, – предложила она и, бесцеремонно подхватив Леру под руку, увлекла за собой в коридор.

Там уже царило оживление: больных на скамейках прибавилось, то здесь, то там мелькали синие халаты медсестер, кто-то тащил капельницу, кто-то вез тележку с лекарствами.

– Туда. – Анна указала в конец коридора.

Лера поспешно шагала за новой приятельницей, с любопытством оглядываясь вокруг.

Она чувствовала легкое волнение и подъем: разве не об этом мечталось ей все эти годы? Работать в настоящей больнице, пусть в небольшом, но слаженном коллективе, заниматься делом, выбранным еще с детства, которому уже отданы шесть тяжелых лет учебы, но так и не пришлось им заняться всерьез.

– Ну вот, гляди, как у нас тут здорово. – Анна свернула направо и остановилась перед плотно закрытой дверью. Она рывком потянула ее на себя, и на Леру пахнуло дождливой свежестью.

Девушки вышли на длинный узкий балкон с низкими витыми перильцами. В углу горбилась темная фигура. Она обернулась на шум и оказалась женщиной лет тридцати – тридцати пяти. На ней не было формы, черный свитер сплошь покрывали капельки дождя, они застряли в гладких прямых волосах, свободно струившихся вдоль щек.

– Анюта, привет, – кивнула женщина и внимательно посмотрела на Леру.

В ней было что-то от монахини: высокая худая фигура, правильные, но сухие черты лица, темные глаза – почти не накрашенные, но выразительные, яркие, словно подсвеченные изнутри.

– Привет, – поздоровалась Анна. – Ты уже тут, с утра пораньше?

– Тут, – подтвердила длинноволосая. – Не спалось чего-то, в пять встала, в полседьмого уже здесь была. Это кто? – Она кивнула на Леру.

– Врач. – Анна, улыбаясь, обняла ее за плечи и подтолкнула вперед. – Вместо Светки взяли. Той месяц до декрета остался.

– Врач, – задумчиво повторила «монахиня», продолжая неторопливо разглядывать девушку, – что ж, хорошо. Светлане-то тяжело, будет теперь кому ей помочь. Это хорошо. – Голос у нее был ровным и монотонным, как нельзя более соответствующим внешности, и говорила она со странной интонацией, по нескольку раз повторяя слова, точно гипнотизируя.

Анна чиркнула зажигалкой и закурила, отворачиваясь от ветра. «Монашка» выкинула окурок с балкона и протиснулась между ней и Лерой.

– Курите, девочки, не буду вам мешать.

– Да брось, Наташка. – Анна пожала плечами, с наслаждением делая глубокие затяжки, что выдавало в ней заядлую курильщицу, с трудом дожидающуюся очередной сигареты. – Постой с нами. Ты не мешаешь.

– Пойду, – возразила Наташка, – дел полно. Я еще не переоделась даже.

И она бесшумно скрылась за дверью.

– Какая странная, – тихо сказала Лера. – Похожа на монахиню, правда?

– Правда, – захохотала Анна, – она у нас и есть Наташка-монашка.

– Кем она работает?

– Она? Старшая медсестра. Между прочим, отличная сестра, таких поискать. Она тебе не понравилась?

– Ну почему сразу не понравилась? – смутилась Лера.

Она никак не могла привыкнуть к манере Анны говорить все в лоб. Однако в глубине души чувствовала, что та права – Наталья действительно вызвала у нее неприязнь.

– Я просто так спросила, из интереса, – объяснила она.

– Да брось, – спокойно проговорила Анна, – она всем поначалу не нравится. Думают, что она того. – Анна повертела пальцем у виска. – А потом привыкают. Она добрая, славная, работу любит фанатично. В больнице сто лет, днюет и ночует здесь. Семьи-то у нее нет.

– Почему?

– Черт ее разберет! – Анна жадно докурила сигарету и тут же полезла за новой. – А ты что ж? – спохватилась она, глядя на Леру, и протянула пачку. – Угощайся.

Та взяла сигарету и нехотя зажгла. Она относилась к этому равнодушно, курила так, за компанию.

– Что-то ты кислая, – изрекла Анна, наблюдая за ее вялыми движениями. – Такая куколка, а глаза того и гляди потекут. С чего бы это?

– Глупости, – обиделась Лера. – Вовсе я не кислая и реветь не собираюсь.

– Ну ладно, ладно, – примирительно произнесла Анна. – Не лезь в бутылку. Просто мне показалось, что ты чем-то расстроена. Извини, если ошиблась.

– Не ошиблась, – тихо проговорила Лера. – Дочку я в садике оставила. В первый раз.

– Сколько дочке?

– Пять, скоро шесть.

– У! – присвистнула Анна. – Здоровая, в школу уже пора. Чего волноваться, не малышка же?

– Для меня малышка. – Лера опустила голову.

Никому она не рассказывала о своей жизни и о том, что случилось с ней за последние полгода, ни одной живой душе, кроме заведующей детсадом, Веры Васильевны. И не собиралась рассказывать – до этого момента. Но сейчас Лера вдруг почувствовала, что не может больше молчать, копить в себе боль и обиду, гнев и отчаяние.

– Для меня малышка, – повторила она и сломала недокуренную сигарету. – Я из-за нее не работала все эти годы. Семимесячная она у меня родилась, болела долго.

…Машка родилась, когда Лера оканчивала последний курс мединститута. Девушку забрали в роддом прямо с экзамена, когда до срока, поставленного врачами, оставалось ровно два месяца.

Дочку Лера увидела лишь через три недели – все это время та лежала в кювете для недоношенных, и прогнозы были самые неблагоприятные. Чудом выжившего ребенка выписали наконец домой, и начался настоящий ад: аллергия шла за диспепсией, а за ними – бесконечные простуды.

Уколы, таблетки, ночные вызовы «Скорой», больницы, где приходилось спать буквально на полу и мыть палаты, чтобы разрешили остаться с дочкой. За несколько месяцев Лера из очаровательной, розовой пампушечки превратилась в сухой, бесцветный скелет. Врачи, глядя на нее, разводили руками: мол, чего вы хотите, у ребенка глубокая недоношенность плюс стафилококк.

Госэкзамены молодая мама кое-как ухитрилась сдать, а о работе пришлось забыть. Машка занимала всю жизнь без остатка. Кормления, укрепляющие ванны, массаж, прогулки по три часа в любую погоду – все это выполнялось неукоснительно и методично, строго по рекомендациям врачей, и не было в мире такой силы, которая заставила бы Леру отступиться, хотя бы на малую толику нарушить режим, пропустить какую-нибудь процедуру.

К трем годам Машка окрепла настолько, что почти сравнялась со сверстниками. О страшных болезнях напоминали лишь худоба и бледность, а в целом она была даже более развитой, чем дети ее возраста.

Лере страстно хотелось выйти на работу. Вспоминалось счастливое время, когда она проходила практику в терапии. Все у нее тогда ладилось, все получалось, и

завотделением не мог нахвалиться на расторопную, толковую студентку. Муж, Илья, бывший однокурсник, уже несколько лет работал в госпитале, успешно делая карьеру, и вечерами, слушая его рассказы о работе, Лера изнывала от тоски и зависти.

Однако расстаться с Машкой она не решалась. Бабушки-дедушки далеко, в других городах, а в сад отдавать такого слабого ребенка врачи настоятельно не рекомендовали. Так и сидела Лера с дочерью, пока той не исполнилось пять. Через пару месяцев после Машкиного дня рождения врач Морозовской больницы, у которого все эти годы наблюдалась девочка, осмотрел ее и сказал Лере:

– Ну, милая, вы просто героиня. Ребенок абсолютно здоров. Более чем кто-либо другой. Завидую вашему мужеству и упорству.

Домой Лера летела как на крыльях. Машка здорова, позади ужасные годы, бессонные ночи, страх потерять ребенка. Впереди – полная жизнь, возможность хотя бы немного работать, заниматься любимым делом.

Она не сразу поняла, что случилось. Почему раскрыта створка шкафа, в котором хранились вещи Ильи? Почему видны пустые полки? Глянула на вешалку и не увидела привычно висевшей там куртки, в которой муж выходил во двор выбить ковер, вынести мусор, погулять с Машкой.

На кухонном столе лежала записка, придавленная солонкой. Лера схватила ее, прочла, рассеянно повертела в руках, снова пробежала глазами и отложила.

Она все равно не понимала. Ничего не понимала! Илья писал, что уходит к другой, к той, которую давно любит. Ему очень жаль и стыдно, но он ничего не может поделать. Давно хотел все объяснить, пытался поговорить, но она не видела, не желала слушать. И так далее.

Лера, как была, в пальто и сапогах, опустилась на табурет посреди кухни. Как же так? Почему она ничего не заметила, не заподозрила, что у мужа есть любовница? Ведь можно было догадаться! Он поздно возвращался домой в последние месяцы, но Лера считала, что муж задерживается на работе. Он часто уходил с телефоном в комнату и закрывал за собой дверь, но ее это не смущало: она опять-таки полагала, что муж занят деловыми переговорами. Кажется,

иногда от него пахло духами. Как-то Лера даже шутливо поинтересовались, откуда этот едва уловимый сладкий запах. Илья рассмеялся, ответив, что у одной из сестер в отделении довольно стойкая туалетная вода, и все сотрудники страдают от этого.

А она, дуреха, поверила. Слепая, наивная идиотка! Лера готова была убить себя за свои глупость и доверчивость. И только когда позабытая ею Машка подошла и положила голову ей на колени, она внезапно поняла, что не была слепа. Просто все эти годы она смотрела в другом направлении – на больного ребенка, напряженно вглядывалась в детское личико, пытаясь не пропустить страшные симптомы. Она не ждала нападения с тыла, от того, кого считала главным союзником в тяжкой борьбе за Машкину жизнь. Потому и не придавала значения мелким странностям в поведении мужа, считая, что они вместе, рука об руку выполняют общую задачу. На следующий день Илья позвонил. Говорил сумбурно, лепетал что-то в свое оправдание, просил заботиться о Машке.

– Заботиться о ней я буду и без твоего напоминания, – сухо сказала Лера. – Давай лучше решим, как часто и по каким дням вы будете видеться.

Этот ровный, безразличный тон давался ей с трудом. Хотелось зареветь в голос, с языка рвались едкие, обидные слова, но Лера сдержала себя.

– Видишь ли, – промямлил Илья в ответ, – у Марины тоже есть ребенок. Мишутка, ему уже десять. Он очень ко мне привязался.

– Я рада за тебя, – проговорила Лера, – но какое это имеет отношение к Маше?

– Самое прямое, – возмутился Илья. – Я хочу усыновить мальчика. Он нуждается в отце не меньше, а может, даже больше Маши. Поэтому, как бы это выразиться, первое время я…

– Я поняла, – перебила Лера. – Первое время, пока ты не разберешься в новых отцовских чувствах, Маше не следует тебя ждать?

– Зачем ты так? – возмутился Илья. – Я просто хотел сказать, что мне нужен месяц, может быть, два. Объясни Маше, скажи, что я уехал в командировку, например.

– О’кей. – Лера еле сдержалась, чтобы не швырнуть трубку в стену, где висела их с мужем свадебная фотография. – Я постараюсь ей объяснить. Не знаю, правда, насколько хорошо у меня получится. Пока.

Она повесила трубку, вышла на кухню, выпила тридцать капель валерьянки. Потом вернулась в комнату и содрала со стены злополучную фотографию. Вместе со снимком отлетел внушительный кусок обоев, и почему-то это принесло Лере некоторое облегчение.

Она бодро улыбнулась Машке, взирающей на нее с ужасом, и объявила:

– Папа уехал в командировку. Вернется не скоро. А карточку я сняла, чтобы не очень скучать.

Ни через месяц, ни через два Илья не пришел. Иногда он звонил Лере, причем делал это поздно вечером, когда Машка уже спала. Деньги регулярно высылал почтовым переводом. Потом был суд, от которого осталось одно впечатление: поскорее забыть и никогда не вспоминать.

Еще через пару месяцев Лера стала искать работу. Ей повезло – в больнице, находившейся неподалеку от дома, оказалось вакантное место. В отделе кадров, правда, покривились, узнав, что у новой сотрудницы нет никакого трудового стажа, но все же взяли на должность палатного врача с испытательным сроком…

– Милая история. – Анна с сожалением загасила очередную, уже третью по счету, сигарету. – Ты, конечно, пребываешь в шоке, да?

– Теперь уже нет. – Лера сдержанно улыбнулась. – Только Машку жалко. В ее возрасте все уже давно привыкли к коллективу, а она никогда со мной не расставалась.

– Она тоже привыкнет, – уверенно пообещала Анна. – А ты не переживай. Тебе с твоей внешностью горевать нечего. Один совет – замуж больше не торопись.

– Еще чего! – согласилась Лера. – Я и не думаю.

– Вот и правильно, – весело и зло сказала та. – Бери пример с меня. Я замуж уже дважды сходила в свои двадцать девять. Больше ни-ни! Захочу – любой мужик моим будет, бабки на меня станет тратить, цветы охапками таскать. А чтоб носки его вонючие стирать да котлеты вертеть – фиг ему с маслом!

Из-за балконной двери послышались приглушенный шум и низкий мужской голос.

– Шеф! – насторожилась Анна, одергивая халат. – Заканчиваем перекур.

– Что, строгий? – поинтересовалась Лера, тоже невольно оправляя халат.

– Да как тебе сказать! – насмешливо проговорила Анна, окидывая ее выразительным взглядом. – Иногда да, а иной раз и не очень. Избирательно.

– Что ты имеешь в виду? – не поняла Лера.

– Увидишь, – хихикнула Анна и вышла в коридор.

Прямо напротив двери на балкон стоял высокий, широкоплечий мужчина и на чем свет стоит распекал худенькую, совсем юную сестричку с огромной русой, как у Снегурочки, косой.

– Здрасте, Анатолий Васильич, – льстиво пропела Анна.

– Здравствуйте, Анна Сергеевна, – кивнул широкоплечий, мельком взглянув на них с Лерой, и снова набросился на девчонку: – Последний раз предупреждаю, Матюшина, еще один прогул, и уволю! К чертовой матери уволю, так и знай. Ясно?

– Ясно, – почти шепотом проговорила сестричка, – я пойду?

– Иди. – Мужчина откинул со лба красивую седоватую прядь и перевел взгляд на застывших в отдалении девушек.

– Так. – Он не спеша подошел и остановился, скрестив руки на груди. – Слона-то я и не приметил. Это вы у нас новый врач?

– Я, – подтвердила Лера.

– Зайдите ко мне. Прямо сейчас. – Широкоплечий кивнул на дверь с табличкой: «Заведующий отделением Максимов А. В.». Ни слова не говоря, он повернулся и скрылся в кабинете.

Лера поглядела на Анну.

– Иди, – усмехнулась та. – Познакомишься. Как освободишься, заходи. Я буду на обходе. У меня палаты с первой по шестую. Ни пуха!

– К черту, – пробормотала Лера и шагнула в кабинет.

Первое, что поразило ее взгляд, – обилие цветов. Широкие подоконники были сплошь уставлены горшками, на стенах висели многочисленные кашпо, в углу, у шкафа, стояла огромная кадка с фикусом, листья которого были тщательно вымыты и глянцево блестели. Лере на мгновение показалось, что она не в больнице, а в оранжерее.

– Присаживайтесь. – Максимов кивком указал на небольшой уютный диванчик в углу. – Как ваше имя?

– Кузьмина, Валерия Павловна.

– Очень приятно, – без улыбки произнес заведующий. – Меня зовут Анатолий Васильевич. Итак, Валерия Павловна, мне сказали, что у вас отсутствует опыт работы в терапевтическом отделении. Так ли это?

– Почти, – негромко подтвердила Лера.

– Что значит – почти? – поднял брови Максимов.

– Это значит, что я проходила практику в пятьдесят седьмой больнице в течение нескольких месяцев, и мне доверяли довольно тяжелых больных.

– Когда это было?

– Больше пяти лет назад.

– Ну, – усмехнулся Максимов, – это, дорогая моя, не считается. Здесь вам придется пройти всю практику заново. За пять лет медицина шагнула далеко вперед, а ваши несколько месяцев работы и вовсе обесценились за это время. Понятно?

– Да. – Лера кивнула.

Она ожидала, что к ней отнесутся с недоверием, и отдавала себе отчет в том, что это будет вполне справедливо. Но все же ей стало немного обидно. Как-никак она не девчонка, двадцать восемь недавно стукнуло! А завотделением разговаривает с ней как с сопливой студенткой-третьекурсницей.

– А раз понятно, то работать пока будете совместно с Пантелеевой. Возьмете у нее шестую, седьмую и десятую палаты. Она вас проинструктирует, покажет карты, расскажет о больных. И без лишней инициативы, пожалуйста! Если что непонятно, подходите, советуйтесь.

– К вам?

– Можно ко мне, а можно к ней. Ее зовут Светлана Алексеевна.

– Та, которая уходит в декрет? – поинтересовалась Лера, вспомнив слова Анны про Светку-стерву.

– Именно, – удивился Максимов. – Ну, Шевченко, уже просветила! Что еще она успела вам рассказать?

– Больше ничего.

– Тогда не буду вас задерживать. Возьмите документацию и приступайте к обходу.

Лера поднялась с диванчика и направилась к дверям. Она уже взялась за ручку, когда сзади послышался негромкий голос:

– Валерия Павловна!

Она обернулась. Максимов, встав из-за стола, смотрел на нее в упор. Его смугловатое лицо с правильными, хотя и крупными чертами казалось неподвижным.

– Что? – спросила Лера, вдруг почувствовав, как у нее неприятно пересохли губы.

– Ничего, – спокойно произнес Максимов и медленно, выразительно перевел взгляд с ее лица ниже, туда, где начинался вырез халата, затем еще ниже и так до самых ног.

«Ах, вот оно что!» – промелькнуло у нее в голове. Вот что имела в виду Анна, говоря об избирательной строгости. Значит, официальная часть знакомства с начальством окончена и теперь начинается другая, неофициальная.

Леру охватила злость. Можно подумать, она не видала таких героев! В институте ее с первого курса преследовал преподаватель химии, пожилой коротконогий Петр Петрович. Просто проходу не давал, пока приударивший за Лерой Илья не пообещал профессору заснять его, когда тот, истекая слюной, страстно смотрит на красавицу студентку, и послать фото законной половине. Потом был сосед в их старом доме, тренер в бассейне, куда Лера водила дочку для закаливания, – высокий красавец брюнет с томным взглядом и огромным, сияющим обручальным кольцом на пальце.

Лера невольно взглянула на правую руку Максимова: ну так и есть! Вот оно, колечко. Все это мы проходили – и пристальные, раздевающие взгляды, и многозначительное молчание! Скверно только, что очередной Казанова является ее начальником, а она – его подчиненной. Хуже нет, чем зависеть от такого мужика.

Максимов тем временем как ни в чем не бывало продолжал откровенно разглядывать Леру и даже как будто слегка улыбался, словно мог читать ее мысли.

Лера резко повернулась и, не говоря ни слова, вышла за дверь.

На глаза ей тут же попалась Наталья. Теперь на ней были безупречно отглаженный сестринский халат и шапочка, длинные волосы она забрала в хвост, отчего лицо стало более простым, обыденным, а взгляд не таким пронзительным. Увидев Леру, Наталья сделала несколько шагов и остановилась, точно ожидая чего-то.

– Где я могу найти доктора Пантелееву? – спросила Лера.

– Свету? – с готовностью переспросила Наталья. – Она только пришла. В ординаторской, переодевается.

– Спасибо, – сдержанно поблагодарила она.

Отчего-то старшая сестра продолжала вызывать у нее непонятное отторжение, несмотря на явную приветливость и предупредительность.

Чувствуя неловкость от своей сухости, Лера быстро зашагала к ординаторской.

Светлана оказалась миниатюрной брюнеткой, постарше их с Анной, с бледным, одутловатым, измученным лицом и огромным, выпирающим из-под халата, точно глобус, животом. Она сидела на стуле и натягивала на плечи серую кофту, оставленную, видно, со вчерашнего дня.

– Привет, – кивнула она зашедшей Лере. – Анька мне про тебя сказала. Ты за картами?

– Да.

– Сколько тебе шеф дал палат?

– Три.

– Изверг! – закатила глаза Светлана. – Мог бы и пять. Чай, я не железная, еле ноги передвигаю. Возьму больничный, и пусть катится к чертовой бабушке.

– Если хочешь, – пожала плечами Лера, – могу взять и пять. Мне нетрудно.

– Тебе-то нетрудно, – усмехнулась Светлана, – но коль уж Васильич дал три, значит, будет три. С ним лучше не спорить, усекла?

– Положим. – Лера приблизилась к столу, на котором лежали раскрытые карты. – Эти?

– Ага. Значит, смотри сюда. В шестой палате все тяжелые. Бабка Егорова, скорее всего, кандидат в «белый дом».

– Куда? – не поняла Лера.

– В морг, – пояснила Светлана. – Он у нас из белого кирпича, вот и зовем «белый дом». Симченко и Василевич получают курс антибиотиков. Вот и пусть получают, а там посмотрим. Ясно?

Лера кивнула.

– Теперь дальше, седьмая палата. Ну, тут полегче. Катаржнова Вера Ильинична, после гипертонического криза. Она у нас на капельницах, но, в принципе, ничего криминального, для ее возраста вполне сойдет. Золотухина, Баренчук – те после пневмонии, идут на поправку. А десятая палата – выписная.

– Все трое? – уточнила Лера.

– Четверо. У нас и по пять человек кое-где лежит. Ну, все поняла?

– Вроде.

– Тогда давай. А то уже десять, больные заждались. Сейчас скандалить пойдут.

Лера взяла у Светланы карты, сложила аккуратной стопочкой и вышла.

Она была уверена, что будет волноваться гораздо больше. На самом же деле страх исчез уже в самом начале обхода. Почерк у Светланы был невероятно корявым, и Лера с трудом разбирала написанные назначения. Больные оказались женщинами словоохотливыми, несмотря на свое тяжелое состояние. Даже бабулька Егорова, вопреки Светиным прогнозам, помирать не собиралась, а

оживленно жаловалась на свою распроклятую жизнь и чертовы болячки. Лере с трудом удалось вырваться из палаты. Выйдя в коридор, она почувствовала, что блузка под халатом намокла и прилипла к телу. Однако вместе с усталостью пришли спокойствие и уверенность в своих силах.

Потратив на обход двух палат почти час, но зато досконально изучив своих пациентов, Лера перешла к последней, самой легкой, по словам Светы. Больные, лежащие здесь, были практически подготовлены к выписке.

Лера глянула в записи: у трех анализы были приличные, никаких патологий не наблюдалось, но то, что она прочла в четвертой карте, ее насторожило.

– Кто у нас Савинова? – спросила Лера.

– Я, – отозвалась худенькая блондинка, сидевшая на постели у окна.

– Как вы себя чувствуете?

– Да ничего, – глухо ответила та.

Лера внимательно оглядела ее бледное, желтоватое лицо, синие тени под глазами и покачала головой:

– Я бы не стала вас выписывать.

– Как это? – взвилась женщина. – Я здорова. Светлана Алексеевна еще в пятницу обещала, что в понедельник я пойду домой.

– Смотрите, – мягко возразила Лера, – у вас низкий гемоглобин. И выглядите вы соответственно. Голова не кружится?

– Да все у меня в порядке! – Худышка вскочила с кровати, сделала шаг, но тут же пошатнулась и прижала руку к груди.

– Ну куда вы пойдете в таком состоянии? – Лера подошла к больной, положила руку на плечо и осторожным, но твердым движением заставила ту сесть на постель. – Сейчас померим давление. Мне кажется, оно у вас низкое.

– У меня оно всегда низкое! – не унималась Савинова. – Я все равно тут не останусь. Уже месяц валяюсь, дома за детьми некому смотреть.

– А муж у вас есть? – спросила Лера, доставая тонометр.

– Толку с него как от козла молока! – Женщина вдруг коротко, без слез всхлипнула и привалилась к подушке.

– Оль, ну ты чего! – сочувственно подала голос одна из ее соседок. – Может, доктор права – ты ведь неважно себя чувствуешь. Полежи еще недельку, глядишь, и полегчает.

– Тебе хорошо говорить, – сдавленным шепотом проговорила Савинова. – А я каждую ночь не сплю, извелась вся, как они там у меня. Данила-то мой по сменам работает, пацаны сутками одни, да не евши толком… – Она подавила рвавшиеся слезы и совсем тихо, но решительно закончила: – Выписывайте меня. Хоть под расписку, хоть как!

Лера молча засучила рукав халата, измерила давление и, ничего не говоря, вышла из палаты.

Светку она разыскала в ординаторской – та, сидя в кресле, терпеливо дожидалась, пока Анна подкрасит губы перед большим настенным зеркалом.

– Чего ты так долго? – удивилась Светлана. – Идем обедать.

– Пока не могу. – Лера подошла и раскрыла карту Савиновой. – Ты что, правда собиралась ее выписать?

– Ольгу-то? – Светлана демонстративно отвернулась. – Да не тычь мне в нос эти бумажки, я их наизусть знаю! И что у нее гемоглобин хреновый, и что давление восемьдесят на пятьдесят.

– Если знаешь, зачем тогда обещала, что она сегодня пойдет домой?

– Ой, да ей не пообещай! – отмахнулась Светка. – Она все одно уйдет. Там и муж поддает, и дети маленькие. Ты тут первый день, а я семь лет. Навидалась этих баб. Говори им, не говори – все, как одна, полубольные норовят улизнуть. Оставишь такую – весь день реветь будет, соседей по палате достанет, из врачей душу вынет. Хочется ей побыстрей на тот свет, так не остановишь. – Светка зло передернула плечами под вязаной кофтой. – Ничего ей не сделается. Гемоглобин нагуляет, а давление у нее отродясь такое, тут уж ничем не поможешь. – Она перевела взгляд на Анну и нетерпеливо заерзала на месте: – Ань, ты скоро? В столовку ведь идем, не на свидание! У меня уже желудок сводит с голоду.

– Сейчас, сейчас, – пообещала Анна, подводя карандашом выщипанную в ниточку бровь. – Лерка, хватит трудиться, выписывай свою больную на все четыре стороны, и пойдем есть.

– И не подумаю ее выписывать, – упрямо сказала Лера. – Она еле на ногах стоит. Я ей витамины поколю, а там видно будет.

– Так она тебе и останется витамины принимать! – насмешливо проговорила Светка, поднимаясь с кресла. – У нее уж и вещи-то наверняка собраны. Дождется четырех часов – и айда!

– Значит, – деловито уточнила Лера, – ты не против, чтобы я ее оставила?

– Я? Нет, я не против. Как говорится, флаг тебе в руки, барабан в зубы.

– Спасибо. – Лера захлопнула историю болезни и поспешила на выход.

– Приходи в столовку, – крикнула вдогонку Анна, – не то все съедят, останешься голодная!

Савинова сидела на кровати в той позе, в которой ее оставила Лера, даже рукав халата не опустила.

– Ольга Александровна. – Лера села возле женщины. – Прошу вас, не уходите. Я поговорила со Светланой Алексеевной, и та тоже считает, что вам нужно подлечиться. Еще недельку, может, даже меньше. Иначе вы снова попадете в

больницу.

– «Светлана Алексеевна считает»! – пробурчала женщина. – А чего ж она раньше-то молчала! Я уже настроилась, домой позвонила, чтоб ждали! Что уж… – Она опустила голову, быстрым движением смахивая слезы. – Останусь. Худо мне и впрямь, муторно. Но только на неделю!

– Ладно, ладно, – согласилась обрадованная Лера. – Сейчас ложитесь, скоро вам сделают укол. Пара дней – и вам станет лучше, увидите.

– Посмотрим, – вздохнула Савинова, вытягиваясь на постели.

В столовую Лера поспела к шапочному разбору. Первого уже не было, от второго остался лишь гарнир – макароны с подливкой.

Взяв тарелку остывших макарон и компот с пирожком, Лера уселась за столик возле окна. Зал был пуст, лишь за соседним столом уныло ковыряла вилкой в тарелке медсестричка с косой. Вид у девчонки был грустнее некуда.

Лера взяла свою еду и перебралась к ней за столик. Девушка удивленно покосилась на нее, но ничего не сказала, продолжая вяло поглощать давно остывший обед.

– И часто ты получаешь такие нагоняи? – полюбопытствовала Лера.

– Какие? – не поняла сестра.

– Ну, я мимо проходила утром и слышала, как завотделением тебя пропесочивал.

– Он прав, – вздохнула девушка. – Я ведь действительно часто пропускаю работу. Кто будет такое терпеть?

– А чего ж ты пропускаешь? – удивилась Лера.

– К Гошке езжу, – доверчиво сообщила девчонка.

– К какому еще Гошке?

– Парень мой. – Медсестра отложила вилку и отодвинула почти полную тарелку. – Его в армию забрали недавно. Ну, вот и… – Она посмотрела на нее огромными, вполлица, серыми глазищами и добавила совсем тихо: – Плохо ему там.

– То есть? – не поняла Лера. – Как – плохо? Болеет?

– Бьют его. Он гордый слишком, не захотел старшим подчиняться, которые, ну как их, деды. А там так нельзя. Вот и дерется, один против всех. Уже два раза в санчасти лежал. Боюсь я за него, потому и езжу. – Девушка снова вздохнула, глубоко и горестно, и принялась за компот.

Лера молчала, не зная, что ответить на эту неожиданную и печальную исповедь.

– Меня зовут Настя, – неожиданно представилась сестричка. – А вас?

– Лера. И можно на «ты».

– Ладно, – покладисто согласилась Настя. – Вы… ты у нас теперь будешь работать?

– Да.

– Хочешь, скажу одну вещь? – Настя таинственно округлила глаза.

– Давай, – опешила Лера.

– Ты… очень красивая! – выпалила девушка и залилась краской.

– Ой, ну ты даешь! – Она невольно рассмеялась. – Я думала, что-нибудь важное, а она…

– Правда, правда, – серьезно подтвердила Настя, – с тебя портрет хорошо писать. Я, как увидела, сразу про это подумала.

– Скажешь тоже, – смутилась Лера.

Девчонка разительно отличалась от тех, с кем она познакомилась за сегодняшнее утро, выглядела такой юной, чистой и неискушенной, что Лера почувствовала к ней искреннюю симпатию, смешанную с жалостью.

– Ты тоже очень даже ничего, – ответила она на комплимент. – Особенно коса замечательная. У меня ни в жизнь бы такие волосы не отросли.

– Хочешь, заговор скажу, чтоб выросли? – предложила Настя.

– А поможет? – усмехнулась Лера.

– Обязательно, – убежденно и горячо подтвердила девушка, – у меня прабабка сто заговоров знает. И от ангины, и от несчастной любви, и даже от бесплодия. Значит, так: берешь куриное яйцо, золотое колечко, зеркальце… – Настя вдруг замолкла на полуслове, напряженно глядя на дверь столовой.

– Зеркальце, – нетерпеливо повторила заинтригованная Лера. – Что дальше? Эй, ты заснула? – Она тоже обернулась, желая увидеть причину Настиного беспокойства.

В дверях стояла Наталья в своем крахмальном халате и высокой шапочке. Встретившись взглядом с Лерой, она улыбнулась и исчезла.

– Не люблю ее, – мрачно призналась Настя, поднимаясь из-за стола.

«И ты тоже! – подумала Лера. – Надо же, не одна я такая».

– Прабабка говорила: «Бойся людей с дурным глазом». У нее глаза дурные, заметила? – Настя сгребла грязные тарелки в стопку.

– Да ну тебя! – отмахнулась Лера, вставая следом за девушкой. – Тебе бы ужастики сочинять, а не в больнице работать.

Однако она подумала, что Настя права, и глаза у старшей медсестры действительно дурные. И тут же вспомнила Анну, ее вызывающие формы,

смазливое накрашенное лицо, уверенный, залихватский тон. Вот она бы посмеялась над Лерой, услышав, о чем та беседует с чудаковатой медсестричкой!

– Пойдем-ка работать, Настасья, – деловито сказала Лера. – А то мы с тобой заобедались.

2

Савинова выписалась только через две недели. За это время Лера успела по-настоящему подружиться с Анной, дважды поссориться и помириться со Светкой, нежно, по-сестрински привязаться к «блаженной» Насте и, наконец, убедиться, какая первоклассная медсестра Наталья.

Лере казалось, вся ее предыдущая жизнь была намного беднее событиями, чем эти четырнадцать дней, промелькнувшие стремительно и молниеносно.

Каждый из них приносил кучу новых впечатлений, проблем, требующих безотлагательного решения, тревог и маленьких успехов. Едва переступив порог больницы, Лера тотчас забывала обо всех своих переживаниях и с головой погружалась в работу.

Тягостные воспоминания наваливались лишь вечером, когда на негнущихся, гудящих от усталости ногах она добиралась до садика и видела полные тоски Машкины глаза. Тогда Лерины мысли сразу возвращались к Илье, его предательству и подлому многомесячному молчанию.

Машка молча шагала домой, старательно обходя лужицы на тротуаре, негромко, трогательно посапывая в такт ходьбе, и Лера испытывала острую, мучительную вину перед ней.

Ужин проходил в бесплодных попытках разговорить дочку. Лера задавала Машке вопросы о садике, но та отвечала неохотно, по большей части односложно: да, нет. Едва покончив с едой, она зевала и просилась спать.

Уложив ее, Лера чувствовала, что и сама начинает клевать носом. Наскоро переделав хозяйственные дела и приняв душ, она с трудом доходила до кровати и тут же проваливалась в сон. А назавтра все повторялось.

Отделение жило своей жизнью, напряженно, но слаженно. Лера постепенно, день за днем все глубже входила в эту жизнь, постигала ее особые, порой негласные законы, улавливала истинную, а не видимую суть вещей и отношений.

Врачей, кроме Леры, было четверо. В первый день она познакомилась со всеми, кроме старенькой Полины Михайловны, пенсионерки, работающей в больнице на полставки и вечно хворающей – то сердце, то давление.

Анна, красивая, наглая, самоуверенная, втайне мечтала о ребенке, которого не могла родить после неудачного аборта. За цинизмом и бравадой она скрывала тоску и отчаяние.

Светлана недавно похоронила родного брата и после работы спешила не домой, устроить свое измученное тело на диване, а к обезумевшей от горя матери.

Обо всем этом, а также о многом другом Лера узнала исподволь, из мимолетных разговоров, сплетен, которыми полнилась ординаторская, и просто из личных наблюдений.

Теперь ей была ясна и истинная причина Настиного отношения к Наталье. Она оказалась банальной: вечно витающая в облаках Настя к своим обязанностям относилась небрежно. Она частенько задерживалась с процедурами, а то и вовсе забывала выполнить назначение врача, и эта ее расхлябанность выводила из себя педантичную и пунктуальную Наталью. Между ней и девушкой по много раз в течение дня вспыхивали конфликты. Наталья нападала, Настя защищалась, оправдывалась, а потом бежала жаловаться Лере, в которой с первого дня почему-то признала покровительницу. Лера только пожимала плечами: было очевидно, что Насте сейчас не до работы, ее слишком волнуют проблемы личного порядка.

Единственным, кто так и оставался для Леры полной загадкой, был Максимов. Она старалась избегать его, по всем вопросам советовалась со Светланой. В свою очередь завотделением также не предпринимал больше попыток заговорить с Лерой, и она начала сомневаться в том, правильную ли оценку дала

шефу при первом знакомстве.

…На выписку за Ольгой Савиновой пришел муж. Против ожидания он оказался вовсе не забулдыгой, а очень приятным малым, невысокого роста, крепко сбитым и румяным.

Лера стояла поодаль и смотрела, как Савинов выносит из палаты пакеты с вещами. Ольга шла за ним следом, счастливо улыбаясь. За две недели укрепляющих процедур с ее лица сошли бледность и одутловатость. Она слегка накрасила глаза и губы, а жидкие, белесые волосы уложила в прическу.

«Да ведь она хорошенькая, – с удивлением отметила Лера. – Даже, можно сказать, красивая. И молодая еще. А совсем недавно казалась такой старой и невзрачной».

Ольга и ее муж остановились у дверей, ведущих на лестницу. Савинов поглядел на Леру и улыбнулся.

– Спасибо вам, – он обнял жену, – что не выпихнули раньше срока. А то ведь эти бабы такие дуры, все к своим кастрюлям норовят! Да и врачи наши хороши – им лишь бы палаты побыстрей освободить. – Савинов полез в нагрудный карман и вынул тонкую длинную плитку шоколада. – Вот. Это вам. В благодарность. – Он протянул ее Лере.

– Что вы! – Она покачала головой. – Не нужно. Я не возьму.

– Да как же? – растерялся Савинов. – Я ж от чистого сердца… Вы не обижайтесь!

Ольга легонько толкнула мужа в бок, чтобы тот замолчал, взяла из его рук плитку и приблизилась к Лере. Быстрым движением она сунула шоколадку в карман ее халата, потом порывисто обняла и поцеловала.

Не успела Лера опомниться, как Савинова уже исчезла за дверью, увлекая за собой смущенного мужа.

– Вот и первые результаты праведного труда!

От неожиданности Лера вздрогнула и обернулась: за ее спиной стоял Максимов – глаза его были прищурены, губы растянуты в улыбке. Она и не заметила, как он подошел.

– Это всего лишь шоколадка. – Лера дотронулась пальцами до торчащей из кармана плитки. – Я взяла ее только потому, что не хотела обидеть свою больную.

– Не надо, не оправдывайтесь, – засмеялся Максимов. – Не вы первая, не вы последняя. Берут все, всегда и везде: и шоколадки, и конфеты, и духи, и многое другое, значительно более существенное. Я имел в виду совсем не вашу дохлую плитку, когда говорил о результатах труда.

– А что же? – опешила Лера.

– Пойдемте, объясню. – Заведующий сделал пригласительный жест в сторону своего кабинета.

Кажется, с прошлого ее посещения цветов в комнате прибавилось. Лера села на знакомый диванчик в углу, Максимов опустился в кресло напротив.

– Итак, – голос его звучал мягко и даже ласково, – наша с вами профессия, Валерия Павловна, как никакая другая имеет одну замечательную особенность – признание и благодарность, с коими вы только что столкнулись. Приятно, не правда ли? Лестно сознавать, что вы кому-то помогли, стали близким, почти родным человеком! Так?

– Возможно, – пожала плечами Лера. – Я не задумывалась об этом. Просто лечила свою пациентку.

– И напрасно. Иначе вы давно бы поняли еще одну, гораздо более важную вещь.

– Какую? – равнодушно поинтересовалась Лера.

Она чувствовала усталость от этого заумного разговора, ей хотелось уйти. Максимов заметил ее нетерпение и помрачнел.

– У каждой медали есть оборотная сторона, Валерия Павловна, – сухо произнес он. – Вам не приходило в голову, что когда-нибудь вместо слов благодарности бы рискуете услышать в свой адрес проклятия? Нет? Думаете, вы застрахованы от этого? Милая моя! – Максимов коротко, резко рассмеялся. – От этого даже я не застрахован. Со своим тридцатилетним стажем! Знаете, как это бывает? Вы устали, чем-то огорчены или, наоборот, обрадованы, не можете сосредоточиться. Вы вовсе не хотите допустить промашку, но это случается. И тогда…

– Зачем вы говорите мне все это? – холодно спросила Лера. – Чтобы я не обольщалась и не думала, что на работе меня ждут одни приятные сюрпризы и шоколадки? Тогда это лишнее: я смотрю на вещи трезво и отдаю себе отчет в том, что случиться может всякое.

– Я просто забочусь о вас, – спокойно пояснил Максимов. – Как о человеке малоопытном и находящемся под моим началом.

– Спасибо. Я учту ваши пожелания. – Лера хотела подняться, но Максимов сам неожиданно встал перед ней во весь могучий рост.

– Я рад, что вы поняли меня правильно. – Он улыбнулся. – Вы плоховато выглядите в последние дни. Устали?

– Нисколько.

– А мне кажется, что устали. – Его руки, словно невзначай, легли ей на плечи.

Прежде чем ошеломленная Лера успела что-то произнести, она почувствовала, как сильные пальцы Максимова уже гладят ее шею.

– Расслабься, – понизив голос, попросил он, – это всего лишь массаж. Обыкновенный массаж для снятия напряжения.

– Пустите! – Лера вскочила и тут же оказалась крепко прижатой к телу шефа. Его губы уже тянулись к ее лицу.

– Не бойся, милая, – шептал Максимов, толкая ее обратно на диван. – Ты ни о чем не пожалеешь. Ни сейчас, ни после. Вот увидишь.

Жаркая волна отвращения и гнева захлестнула Леру с головой. Она изо всех сил рванулась и толкнула Максимова локтем в грудь. Не ожидавший такого яростного сопротивления завотделением отшатнулся и убрал руки.

Лера бросилась к двери. Опомнившийся Максимов в два шага настиг ее и загородил выход.

– Дурочка, – тяжело дыша, пробормотал он. – Ты все равно никуда не убежишь. Это обязательно случится, рано или поздно. Поняла?

– Отойдите от двери, – сквозь зубы проговорила Лера. – Дайте мне выйти.

Максимов вдруг криво усмехнулся и взялся ладонью за левый бок.

– Ладно. – Он кивнул и сделал шаг в сторону. – Хорошо, идите. Только не забывайте, Валерия Павловна, кто вы и кто я.

– Я хорошо знаю, кто вы. Сказать? – Лера посмотрела прямо в темные, чуть расширенные глаза Максимова.

– Не стоит. – Тот снова усмехнулся, опустил руку и отошел от двери. – Кстати, вот еще что. Светлана Алексеевна совсем плохо себя чувствует, так что возьмете у нее еще и восьмую палату начиная с завтрашнего дня.

Лера молча кивнула и выскочила за дверь. В коридоре Анна разговаривала с родственниками пациента. Увидев красную, встрепанную Леру, появившуюся из кабинета заведующего, она ухмыльнулась, ловко свернула беседу и подошла к подруге.

– Остынь, а то вскипишь! И пуговицу застегни. – Анна, не дожидаясь, пока она придет в себя, сама поправила на ней халат.

– Не стыдно тебе? – накинулась на нее Лера.

– Стыдно? – Анна невинно похлопала длинными, кукольными ресницами. – За что это?

– Могла не увиливать, а сказать все как есть. Я бы не оказалась в таком положении!

– В каком? – Анна откровенно смеялась. – Тебе что, три годика? Я предельно ясно объяснила – у шефа строгость избирательна. Не откажешь – будешь трудиться в свое удовольствие, никто к тебе не подкопается. Откажешь – заработаешь кучу проблем. А ты на что надеялась?

– Не знаю! – зло пробурчала Лера. – Наверное, на человеческие отношения.

– Я тебя умоляю! – Анна скорчила уморительную мину и снова принялась разглядывать подругу, качая головой. – Ну и видок! Вы что там, дрались?

– Почти. – Лера против воли улыбнулась, вспомнив растерянную физиономию Максимова, когда она едва не продырявила ему грудную клетку.

– Напрасно. – Анна осуждающе поджала губы.

– Что значит – напрасно? – опять вскипела Лера. – Что, по-твоему, я должна была сделать? Трахнуться с ним в кабинете и благополучно перейти к исполнению своих обязанностей?

– Ты потише. – Анна легонько толкнула ее в бок. – Не так эмоционально.

Лера оглянулась: у двери палаты стояла Настя, напряженно вслушиваясь в их диалог.

– Пусть катится! – понизив голос почти до шепота, проговорила Лера. – Скорее рак на горе свистнет, прежде чем он чего-нибудь от меня дождется!

– Ой, какая недотрога! – съязвила Анна. – Наше дело – предложить, ваше – отказаться.

Из второй палаты вышла тучная, отекшая женщина.

– Анна Сергеевна, – пожаловалась она, – снова приступ. Третий за сегодня. Сил моих больше нет!

– Лягте, Козлюкова. – Анна отвернулась от Леры. – Ложитесь, я сейчас подойду. Через минутку.

Тетка вздохнула и покорно побрела обратно в палату, тяжело шаркая толстыми, тумбообразными ногами.

– Забодали! – посетовала Анна. – Все-то им не спится, не лежится! Пойду скажу Наташке, чтобы укол сделала. – Она подмигнула и направилась в процедурную.

Лера покосилась на застрявшую в дверях палаты Настю, но говорить ей ничего не стала и побрела в ординаторскую.

Светка, развалившись в кресле, грызла большое румяное яблоко. Лицо ее за последние дни еще больше осунулось и приобрело стойкий зеленоватый цвет.

– Ой, мочи нет, – пожаловалась она. – Зинку носила, как летала. Ни отеков не было, ни давления. Даже живот до седьмого месяца никто не замечал, ей-богу! А с этим бандитом чуть жива. И пихается-то как, паразит, того гляди ребра переломает родной матери!

Светлана дважды за беременность делала ультразвук, и оба раза показали, что у нее мальчик. Она собиралась назвать его в память о брате Виталиком.

– Нет, горе с этими мальчишками. – Света вздохнула и отвернулась к окну.

Лера поняла, что говорит она сейчас не о младенце у нее в животе, а о разбившемся на мотоцикле восемнадцатилетнем братишке.

– Свет, я беру у тебя восьмую палату. С завтрашнего дня.

– Восьмую? – оживилась та. – Ну, поздравляю! И искренне сочувствую!

– А что такое? – удивилась Лера.

– Да там же мой героический дедулька, Скворцов Иван Степаныч. Он мне уже в кошмарах снится. Ой, Лерка, не завидую я тебе! У меня он в ежовых рукавицах был – и то замучил нытьем да жалобами. А ты у нас человек мягкий, отзывчивый, на тебе он и вовсе ездить будет.

– Пусть попробует, – вспомнив Максимова, парировала Лера. – Как сядет, так и слезет. На что он жалуется-то?

– Да на все. Солнце ему не так светит, ветер неправильно дует. Лер, ему восемьдесят один, крышу давно снесло, жена померла, детишки разбежались кто куда – немудрено, от такого-то папашки. А мы возись с ним. – Светка задумалась на минуту о чем-то, а потом прибавила немного мягче: – Астматик он. На инвалидности, вторая группа. Я тебе правда сочувствую.

– Тебе в отпуск когда? – спросила Лера.

– В следующий четверг. Дотерпеть бы. – Светлана снова вздохнула и сосредоточенно принялась за яблоко.

3

Иван Степанович Скворцов оказался вовсе не таким, как нарисовала его Лера в своем воображении. Со слов Светки она представляла себе мрачного, угрюмого старикана с лысым черепом и волосатыми ноздрями, нечто среднее между Кощеем Бессмертным и Фредди Крюгером. Однако в постели, укрывшись ветхим больничным одеялом почти до подбородка, лежало крошечное, легкое, как былинка, существо. Ноги едва достигали до середины кровати, голова, окаймленная седыми пушистыми волосами, напоминала венчик одуванчика.

С подушки на Леру придирчиво и одновременно жалобно смотрели два блекло-серых слезящихся глаза. У нее даже дыхание перехватило – стало совестно за Светкины слова. И как такой божий одуванчик может сесть к ней на шею? В чем только душа держится!

Однако через мгновение Лере стало ясно, что Светка не кривила душой и не преувеличивала, говоря, что Скворцов – самый противный и приставучий из всех ее больных. Едва Лера присела на стул возле кровати и раскрыла историю болезни, дед тут же подал голос, да какой – неожиданно пронзительный, звучный для такого тщедушного тельца и невероятно визгливый.

– Издеваются! – вещал старик. – То одна еле ползала, брюхом своим всю морду мне изъездила, так теперь и вовсе девчонку сопливую прислали. Тебе сколько лет, дочка? Ты людей-то лечила когда аль нет?

– Успокойтесь, Иван Степанович, – улыбнулась Лера. – Лет достаточно, у меня уже дочка скоро в школу пойдет. И людей я лечила, так что не волнуйтесь, справлюсь.

– Справишься, как же! – прошипел дед. – На тот свет меня в два счета справишь! – Он со злостью и тоской погрозил сухим, костлявым кулачком. – Засадили меня сюда, ироды, воронье поганое!

– Это кто же ироды и воронье? – изумилась Лера. – Врачи, что ли?

– Опекуны его, – вмешался в разговор парень, лежащий на соседней койке. – Он ведь недееспособный. Вот и нашлись какие-то дальние родственники, подсуетились и оформили опеку.

– Ага, опеку! – визгливо подхватил Скворцов. – Им бы имущество мое опекать, а сам я чтоб сдох побыстрее. Говорил: не желаю в больницу, и все тут. Разве ж они слушают? Упекли, точно в тюрьму! – Он сокрушенно махнул рукой и еще глубже натянул одеяло.

– Ты, дед, ерунду-то не городи, – улыбнулся парень. – Тебя сюда каким привезли, забыл? А я помню, как ты все ночи напролет хрипел, еле откачали. Остался бы дома, тут тебе и крышка.

– Между прочим, ваш сосед правильно говорит, – подтвердила Лера, внимательно изучая карту. – Вот Светлана Алексеевна пишет, что у вас один за другим было четыре тяжелых приступа. Это месяц назад. А сейчас посмотрите, как вы хорошо дышите! И давление неплохое для вашего возраста, а было двести на сто сорок.

– Ты мне зубы не заговаривай, – не унимался дед. – Лучше скажи, прочитал главврач мою жалобу? Ту, что я ему на прошлой неделе послал?

– Не знаю, – пожала плечами Лера. – А на что конкретно вы жаловались?

– Да брось, Степаныч, – обратился к деду парень. – Чего ты пристал, видишь, человек новый, еще только осматривается. Это он так, с тоски, – пояснил он Лере. – Родственники эти его сюда положили, а появляться не думают. Хоть бы кило яблок деду принесли, и того не дождешься. Вот он и буянит от обиды.

– С родственниками вашими, Иван Степанович, я поговорю, – твердо пообещала Лера. – Выясню, в чем дело. Может, у них что-нибудь случилось, есть какая-то веская причина, по которой они не могут вас навестить. А жалобы главврачу писать не стоит. Лучше скажите мне, чем вы недовольны.

– Уколы Настька больно делает, – заскрипел дед. – Вся задница в шишках, не знаю, на который бок повернуться.

– Я попрошу, и уколы вам будет делать Наталья Макаровна. Что еще?

– Каша по утрам надоела. Одна овсянка на воде второй месяц.

– Хорошо, я попробую договориться на кухне, иногда будут делать для вас омлет.

– Душно!

– Проветрим.

Скворцов на секунду запнулся, затем раскрыл было рот, чтобы продолжать свой список, но тут его сосед весело рассмеялся:

– Хватит уже, дед! Совесть поимей. Нашел себе золотую рыбку желания исполнять. Будь доволен, что тебе омлет вместо овсянки принесут.

– А ты, Дрюня, зря лыбишься, – огрызнулся Скворцов. – Я, может, за всю-то жизнь заработал право, чтобы ко мне золотая рыбка приплыла. Хоть три желания исполнила, да какое там – одно! – Он неожиданно скис, несколько раз часто моргнул и проговорил тише: – Хреново на старости лет вот так, одному, в казенной постели.

– Хреново, – согласилась Лера. – А вы поправляйтесь, мы вас и выпишем. Домой пойдете, сами себе будете покупать и яблоки, и все что хотите.

– Твоими бы устами, дочка, да мед пить, – устало пробормотал Скворцов.

Видно было, что запал у него кончился, Лерина сговорчивость обезоружила его. «Кажется, своими скандалами он просто пытается подбодрить самого себя, – подумала Лера. – Дескать, пока ругаюсь, требую, кричу, значит, не умер, есть еще силы, порох. А пороха-то, видать, мало».

– Значит, договорились, – мягко проговорила она. – С этого дня Матюшина вам больше уколы делать не будет, пусть на других тренируется. А после обхода я пошлю санитарку, она здесь проветрит. – Лера отложила в сторону дедову карту и глянула на парня: – Ну а вы как себя чувствуете?

– Нормально, – спокойно ответил тот, пожав плечами, – не жалуюсь.

Лицо у него было утомленным и почти бескровным, под глазами обозначились желтоватые тени, но сами глаза были удивительно яркого, насыщенного голубого цвета: как летнее небо или полевые незабудки. Лера поневоле не сразу оторвала от них взгляд.

За всю свою жизнь она видела такие красивые глаза только у одного человека – маминой двоюродной сестры, тети Ксении. Ксения была моложе матери на пятнадцать лет, и за ней в их родном городе бегали толпы поклонников, несмотря на то, что она была замужем и имела двоих детей. Лера отчетливо помнила, как возмущалась строгая, суровая мать.

– Ишь, распустила хвост! – ворчала она, наблюдая из окна, как двадцатилетняя Ксения кокетничает у забора с очередным кавалером. – И чего они в ней нашли! Красоты-то – одни фишки лупоглазые, а так – ни кожи ни рожи.

Сейчас, глядя на парня, Лера почему-то отчетливо вспомнила свою юную тетку. Сто лет прошло, как они не виделись. Лера в семнадцать уехала в Москву поступать в медицинский, а Ксения вскоре неожиданно бросила пьяницу и драчуна мужа и подалась с детьми на Север, аж в Мурманск. С тех пор они общались лишь в редких письмах, а потом и вовсе перестали. Жаль. Хорошая была Ксения, немного шальная, но добрая, веселая…

Лера глянула в карту и не поверила своим глазам. Вчера они со Светкой обсудили одного лишь Скворцова, а про его соседа она позабыла спросить, решила, что сориентируется на месте. Она не сомневалась, что парень лечится в больнице от последствий пневмонии или гриппа, что ему тут еще делать, такому молодому? Однако в карте черным по белому, корявым, но уже ставшим привычным Светкиным почерком было написано, что больной Шаповалов Андрей Васильевич страдает хронической формой астмы и получает гормонотерапию.

Лера поспешно взглянула на год рождения – молодой-то какой, двадцати пяти нет! Она отложила историю болезни. Парень смотрел на нее по-прежнему спокойно, выжидающе, но уже без улыбки, и во взгляде его едва заметно сквозил холодок. Лера поняла: он опасается, как бы она не стала его жалеть. Видно, привык к реакции на свой диагноз.

– Значит, Андрей Васильевич, вы чувствуете себя хорошо и ни на что не жалуетесь, – уточнила она.

Парень кивнул.

Лера проверила у него пульс, измерила давление, долго, сосредоточенно выслушивала фонендоскопом дыхание, стараясь уловить астматические хрипы. Они были, но отдельные и довольно слабые.

– Ладно, – наконец сказала она, – Светлана Алексеевна постепенно уменьшала вам дозу препарата. Мы будем следовать ее путем – и постепенно дойдем до минимума. Голова не кружится?

– Нет. То есть иногда.

– Сердце не беспокоит?

Парень помотал головой.

– Точно? – строго переспросила Лера. – Или тоже иногда?

Ей уже стало ясно: парень из породы тех, кто будет терпеть до последнего, даже виду не подаст, что ему плохо. Вроде Ольги Савиновой, которая чуть не слиняла из больницы в полуобморочном состоянии. Только у Ольги это объяснялось волнением за детей, а Шаповалов не желал признаваться в своих недугах, видимо, из гордости.

– Да точно, точно. – Андрей улыбнулся, и взгляд его потеплел. – Сердце у меня здоровое. Просто мотор.

– Хорошо, что мотор, – серьезно проговорила Лера, вставая. – С вашей болезнью нужно здоровое сердце. Я пойду. Если что будет нужно, позовете.

– Обязательно. – Парень пристально глянул на нее глазами-незабудками, и под этим взглядом Лера вдруг почувствовала смущение.

За обедом она подсела к Светке, с аппетитом наворачивающей постный, жиденький столовский борщ.

– Ну, – с набитым ртом промычала та, – познакомилась со Скворцовым?

– Познакомилась, – усмехнулась Лера.

– И как?

– Да ничего. Ты меня напугала, я думала, будет хуже.

– Погоди, – пообещала Светка, придвигая тарелку с котлетой, – ты еще взвоешь, голову даю на отсечение. Главное – не слушай, чего он там плетет, осматривай, пиши назначения, и привет.

– Учту твой совет, – покладисто ответила Лера, помолчала для вида и спросила как бы невзначай: – А сосед Скворцова, Шаповалов, он что, правда такой тяжелый астматик?

– Дрюня? – ласково переспросила Светка. – Тяжелый. Хроническая астма, с детства, кажется. Жаль парня, ничего не скажешь. Его по «Скорой» привезли, с приступом. Сначала в реанимации лежал, а сейчас, видишь, совсем хороший стал. И дыхание нормализовалось, и анализы неплохие. Ты только его выписывать не спеши, пусть полежит. А то у него из родни никого.

– Почему никого? – испугалась Лера. – Погибли?

– Не знаю, он детдомовец в прошлом. Так и лежит, один да один, никто его не навещает, два сапога пара с дедушкой Скворцовым.

– Что ж, у него и девушки нет? – осторожно спросила Лера.

– Нужен он больно девушкам-то, без пяти минут инвалид, – отрезала Света. – Им бабки подавай в первую очередь, а чтобы их зарабатывать, здоровье иметь нужно. Лошадиное, как у моего Шурика, – утром на одной работе, вечером на другой, а в ночь – на дежурство.

Лера промолчала, но внутренне не согласилась. Как это, такой красивый парень – и девушкам не нужен! Да по одному его взгляду видно, что девчонки за ним стаями бегали. Вон, и ее чуть в краску не вогнал, даром что она не соплячка какая-нибудь, а взрослая женщина. А что касается денег – так ведь работал же Андрей кем-то до того, как попасть в больницу, стало быть, и зарабатывал. Откуда Светке знать сколько? Какое ей дело?

А ей, Лере, какое дело? Она вдруг спохватилась, что прошло уже больше часа, как закончился обход, а мысли в голове все еще о новом пациенте. Конечно, жалко его, так, как не жаль стариков: те все-таки успели жизнь прожить, прежде чем заболеть. Но, однако, жалость не повод, чтобы неотрывно думать о больном, да еще гадать, есть ли у него девушка.

Светлана давно поела и ушла, а Лера все сидела за столиком в опустевшей столовке. Ей вдруг стало одиноко и тоскливо, так, как ни разу не было за последние недели. Она жалеет их всех: и ворчливую бабку Егорову, и зловредного Степаныча, и Шаповалова. А кто пожалеет ее? Кажется, сегодня ровно семь месяцев, как ушел Илья. И все это время Лера одна-одинешенька, точно робот на батарейках: надо встать – встает, надо идти – идет. Ни одной

слезинки не пролила. Ни одной! А как хочется зареветь в голос, завыть, уткнуться кому-нибудь в плечо и жаловаться, жаловаться на свою горькую, несправедливую жизнь!

Но кому об этом скажешь? Машке? Той еще тяжелей, чем матери. У Леры хоть работа есть, позволяющая на время забыться, отключиться. А у Машки – лишь ненавистный детский сад, где каждая минута тянется как час и очкастая Катерина Михайловна заставляет пить молоко с пенкой и есть винегрет на постном масле.

Нет, Машке ничего не скажешь. К тому же девочка до сих пор не подозревает, что отец их бросил. Она уверена, что папа просто улетел в длительную командировку, и все спрашивает, когда он приедет.

И Анне Лера не может поплакаться в жилетку. Та слез не признает – если совсем уж тошно, дымит, как паровоз, да травит непристойные анекдоты. Скажешь ей про одиночество, она и не поймет. И впрямь, в чем проблема? Вон сколько мужиков, любого только пальцем помани – и пожалуйста, не чувствуй себя одиноко. Еще, чего доброго, снова начнет Леру уговаривать, чтобы та не кочевряжилась и уступила шефу.

Остается лишь Настя. Она добрая, все выслушает. Но почему-то не хочется Лере обсуждать с ней свои дела. Может, та кажется ей слишком юной, неопытной, а может, Лера просто привыкла, что девчонка сама постоянно ревет у нее на плече. Неизвестно, сколько бы еще Лера просидела в столовой в своих невеселых раздумьях, если бы в дверях не показался Максимов. Едва заметив его, она поспешно поднялась и вышла, ощущая спиной его пристальный взгляд. Гнев на шефа перебил жалость к себе, и остаток дня Лера проработала в спокойном, даже веселом настроении.

4

За ужином Машка неожиданно оживилась. Сначала рассказала Лере смешную историю о том, как некий Коля Мухин принес в садик мамин мобильник, по ошибке захватив его вместо своего, игрушечного. Телефон мирно лежал у пацана в кармане штанов, но во время тихого часа вдруг затрезвонил на всю

группу.

Прибежавшая на шум рассерженная Катерина Михайловна потребовала отключить игрушку, но не тут-то было. Коля тыкал во все кнопки, но проклятый аппарат если и замолкал, то на несколько секунд, а потом начинал сигналить заново. Наконец воспитательница выхватила мобильник из рук парня, но от волнения и злости нажала на «Yes» вместо «No», и из трубки на всю спальню отчетливо разнесся бас Колиного папы, на чем свет стоит ругавшего жену за то, что она так долго не отвечала на его звонки.

Тихий час, конечно, сразу закончился. Какой там сон, если все тринадцать человек хохочут в голос и даже суровая Катерина Михайловна держится за бока и вытирает навернувшиеся на глаза слезы!

Вечером сотовый благополучно вернули хозяйке, которая даже не заметила его отсутствия, думая, что телефон со вчерашнего дня спокойно лежит в ее сумочке. Колина мама была домохозяйкой, и, кроме мужа, на мобильный ей почти никто не звонил.

Вся эта история так развеселила Машку, что она долго и в ярких красках описывала ее Лере. Та сидела, внимательно слушая дочку, боясь спугнуть ее хорошее, радостное настроение, и понимающе кивала. Наконец, когда девочка закончила свой рассказ, Лера решилась и осторожно спросила:

– Машуня, тебе ведь уже нравится в садике? Смотри, ты привыкла, тебе весело, ты смеешься. Так?

– Не так. – Машка сразу помрачнела и насупила светлые круглые бровки. – Я все равно не хочу туда ходить.

– Но почему? – допытывалась Лера. – Из-за Катерины Михайловны? Видишь, она не такая уж строгая, просто вас много, и ей приходится нелегко…

– Не из-за нее, – перебила Машка. – Из-за Вовки Звончука.

– Господи, – опешила Лера. – Ну а он-то чем виноват?

– Ага, чем! – запальчиво проговорила девочка. – А что он лезет? То за косу дернет, то ножку подставит. А сегодня… – Машка округлила глаза и произнесла страшным шепотом: – Сегодня вообще полез целоваться! Представляешь?

– А ты что? – машинально поинтересовалась Лера.

– Я? – зловещим голосом переспросила Машка. – Я ему врезала так, что он отлетел. Будет теперь знать!

Лера в изумлении смотрела на дочь. И это ее она всю жизнь считала робкой, домашней, не приспособленной к коллективу и не умеющей за себя постоять? Или любого, даже самого мягкого человека можно вывести из себя и заставить действовать жестко и решительно?

Машка тем временем, выпустив пар, слегка успокоилась, заметила Лерино смущение и виновато проговорила:

– Я плохо сделала, да? Ты бы так не поступила?

Лера вспомнила сцену в кабинете у заведующего и невольно улыбнулась:

– Ты молодец. Я поступила бы точно так же. Одно дело – дергать за косички и подставлять ножки, но приставать с поцелуями – это уж слишком!

– Вот именно, – обрадованно подхватила Машка, не почувствовав в словах матери иронического подтекста. Она помолчала, раздумывая о чем-то своем, а потом тихонько спросила: – Мам! А папа скоро вернется?

– Скоро, Машенька, – с трудом выдавила Лера. – Подожди еще чуть-чуть.

– А мне кажется… – Машка подозрительно шмыгнула носом и отвернулась. – Мне иногда кажется, что он… вообще не вернется. – Последнюю фразу она произнесла совсем шепотом. Губы скривились, по щеке покатилась светлая одинокая слезинка. Машка быстро провела ладошкой по лицу.

– Что ты! – Лера обняла девочку, прижала к себе, поцеловала в теплую, сладко пахнущую макушку. – Он обязательно приедет. Скоро. И поведет тебя в зоопарк.

– В цирк, – поправила Машка. – Он обещал в цирк. А… – она замялась и напряглась, точно сжатая пружинка, – а почему Катерина Михайловна сказала, что он нас… бросил?

– Когда это она сказала? – Леру точно током дернуло, даже дышать стало больно. – Кому? Тебе?

– Елене Ивановне, – доверительно сообщила Маша. – Она вчера думала, что я сплю. А я не спала и все слышала. Катерина Михайловна сидела за столиком и говорила: «Девчонка отца все ждет, а его давно и след простыл. Зачем обманывать, уж сказала бы мамаша».

– Ты ошиблась, – твердо проговорила Лера. – Она вовсе не тебя имела в виду.

– А кого? – Машка с надеждой подняла глаза.

– Другую девочку. Совсем другую, ее нет в вашей группе.

– Она в соседней? – догадалась Машка.

– Вообще не в вашем садике. Про нее в газете писали, а Катерина Михайловна прочитала и решила рассказать Елене Ивановне. Ясно?

– Да. – Машка прерывисто вздохнула. – Ты можешь со мной немного посидеть, пока я буду засыпать?

– Конечно.

Лера вымыла дочку, уложила на кушетку, укрыла одеяльцем. Машка тут же повернулась на бок, лицом к ней, взяла Лерину ладонь в руки и старательно зажмурилась.

В этот вечер она долго не засыпала. Лежала с закрытыми глазами, вздыхала, ворочалась. Лера и сама чувствовала себя точно на сковородке. Вот ведь зараза, эта веснушчатая Катерина!

Будто для того ей все рассказали, чтобы она во время тихого часа молола своим длинным языком! Хоть бы потрудилась посмотреть, спит ли ребенок!

А может, она права, эта воспитательница? Хватит морочить Машке голову, пора рассказать ей правду. Через несколько месяцев девочке исполнится шесть – уже довольно взрослая для того, чтобы понять. Все равно до конца в красивую сказочку, придуманную Лерой, Машка больше не верит. Оттого и не засыпает, вертится с боку на бок.

В любом случае нужно еще раз поговорить с Ильей. К черту гордость! Надо позвонить ему, не дожидаясь, пока он соизволит сделать это сам, и поставить вопрос ребром. Пусть приходит к ребенку! А Машка должна знать, что Илья бросил не ее, а Леру, она осталась для него по-прежнему любимой и самой дорогой на свете.

Лера уже давно оттягивала этот неприятный разговор, предчувствуя, что ничего хорошего из него не выйдет. В самом деле, ну что она может? Алименты с отца суд имеет право взыскать, а обязать к общению с дочерью – нет.

Машка заснула, продолжая во сне сжимать руку матери, а Лера просидела полночи без сна, но так и не нашла решения. В конце концов она решила выждать еще чуть-чуть, надеясь, что Илья все-таки усовестится и объявится сам. Это была страусиная политика, и Лера прекрасно понимала, что просто прячет голову в песок. Но слишком многое навалилось на нее в последнее время, чтобы со всем справиться достойно. С такими мыслями она и заснула на исходе ночи, когда до начала рабочего дня оставалось всего два с половиной часа.

5

Лера честно постаралась выполнить все обещания, данные Скворцову: уговорила Наталью самолично делать ему уколы вместо Насти, чем несказанно обидела последнюю, договорилась, правда, не без скандала, на кухне о том, чтобы иногда кашу деду заменяли на что-нибудь более удобоваримое. Кроме того, она теперь тщательно следила за тем, чтобы санитарки Галя и Надюша регулярно открывали в палате форточку – раньше они делали это далеко не всегда, хоть это и входило в их обязанности.

Единственное, чего не удалось сделать Лере, – поговорить с родственниками старика. Они в больнице так и не появлялись, Светка их координат не знала, а Максимов на просьбу Леры дать телефон опекунов Скворцова ответил неожиданно резким отказом.

Сам же дед чувствовал себя сносно и, хотя продолжал ворчать, во время утренних обходов стал более покладистым и сговорчивым. Особенно обрадовал его принесенный вместо овсянки омлет. Он долго придирчиво разглядывал желтоватую массу, лежащую на тарелке, затем осторожно подцепил кусочек вилкой и отправил в беззубый рот. Прожевал, замер на несколько секунд, точно прислушиваясь к тому, как пища улеглась в желудке, и стал есть дальше, поспешно, жадно, причмокивая и разбрызгивая слюну.

Лера наблюдала за ним с улыбкой, стоя у двери в палату, и, к своему удивлению, не чувствовала никакой брезгливости – лишь нечто сродни умилению. Так когда-то с радостным интересом она смотрела, как полугодовалая Машка, захлебываясь и пачкаясь, ест свою первую кашку.

– Дед, ты прямо как ребенок, – с незлой насмешкой произнес Андрей, точно прочитав Лерины мысли.

Степаныч ничего не ответил. Он доел омлет до конца, вытер тарелку корочкой хлеба и, довольный, отвалился на подушку.

Андрей искоса взглянул на Леру, а потом полез в тумбочку, достал оттуда блокнот и принялся водить в нем карандашом.

За этим занятием Лера часто заставала его, когда заходила в палату. Поначалу она думала, что Андрей со скуки ведет нечто вроде дневника, и даже попыталась предложить ему ручку вместо карандаша, чтобы удобнее было писать. Но Шаповалов только усмехнулся и от ручки отказался, а блокнот тщательно прикрывал всякий раз, когда Лера приближалась к его кровати.

Парень явно шел на поправку. Лера методично, день за днем уменьшала дозу гормона и с удовлетворением отмечала, что астматические хрипы при прослушивании становятся все менее заметными, а сердце пациента работает исправно, действительно, как хороший мотор.

Он по-прежнему предпочитал ни на что не жаловаться, так что Лере иногда буквально клещами приходилось вытягивать из него правду о самочувствии. Вообще, с Лерой Андрей был немногословен, даже, можно сказать, молчалив. Ответит на ее вопросы, а сам не скажет ничего.

Леру это слегка задевало. Она уже знала, что Шаповалов, или Дрюня, как все его называли в отделении, любимец персонала. Его обожали и санитарки, и сестры, и даже стервозная, лишенная всяких сантиментов Светка – именно за легкий, неунывающий характер, умение поддержать любой разговор, рассмешить. Часто, войдя в восьмую палату, Лера и сама становилась свидетельницей оживленного, веселого спора между Дрюней и Степанычем, причем оба за словом в карман не лезли, особенно первый. Ругались, острили, поддевали друг друга, хохотали.

Однако ж, едва завидев Леру, Андрей умолкал, становился серьезным и даже замкнутым, снова тянулся к своему блокноту. Получалось, что она для него так и осталась чужой, не внушающей доверия, и это было обидно.

…Спустя неделю Светку наконец проводили в декрет. Ее уход неожиданно сильно осложнил Лерину жизнь. Прежде Светлана невольно являлась буфером между ней и Максимовым. Именно к ней Лера обращалась за помощью, если возникали вопросы, перед ней она отчитывалась за свои действия и назначения.

Светлана бывала груба и категорична, но ее недостатки казались конфеткой в сравнении с тем, что творилось теперь. Лере пришлось напрямую общаться с заведующим. Он же вел себя совсем не так, как в первые дни знакомства, полностью подтверждая прогнозы Анны: «Откажешь – получишь кучу проблем».

После того памятного дня Максимов кардинально изменил свое отношение к Лере. Он изводил ее бесконечными придирками по поводу и без, неуклонно, как машина, нацеленная на одну программу, фиксировал каждый ее промах, будь то пятиминутная задержка в буфете, слегка затянувшийся перекур с Настей на балконе, неточно или не вовремя сделанные в картах записи. Не оставлял шеф без внимания и жалобы Лериных больных, а такие случались, несмотря на ее приветливость и сдержанность в отношении пациентов. Все же Лера не была автоматом, а люди попадались всякие, в том числе совсем невыносимые, и она иногда срывалась, говорила резкости. Грубили больным все, причем в гораздо большей степени, но Максимов не трогал никого, кроме Леры.

Она терпела, стиснув зубы, уговаривая себя молчать в ответ на ругань шефа – ей не хотелось терять долгожданную работу.

Однако замечания – это было еще полбеды. Настоящим кошмаром стало то, что завотделением вовсе не прекратил своих домогательств. Служебные посещения его кабинета стали для нее сущим адом. Едва она входила, Максимов запирал дверь на ключ и ходил вокруг Леры кругами, норовя усадить ее все на тот же злополучный диванчик. При этом он нес такое, что просто уши вяли.

Приставания продолжались не только в кабинете – заведующий, абсолютно не стесняясь персонала, норовил притиснуться к Лере поближе в любом подходящем для того месте: в лифте, в закутке между сестринской и процедурной, на том самом балкончике.

Причем переходы от нагоняев к ухаживаниям совершались стремительно, порой без всякой паузы. «Психическая атака, – понимала Лера, привычно отстраняясь от шефа. – Не мытьем, так катаньем».

Она привыкла к постоянной обороне и не могла расслабиться даже ночью. Во сне ей казалось, что она чувствует запах его одеколона, и, значит, он где-то поблизости. Лера просыпалась в холодном поту, с ощущением, что руки шефа елозят по ее телу. Лишь убедившись, что это только сон и Максимова в ее постели нет, она засыпала снова.

Лера пробовала поговорить о происходящем с Анной, но та лишь хихикала да приговаривала:

– Сама хотела хлопот на свою голову. Говорила тебе: не считай себя умней других – не будет и неприятностей.

6

В начале ноября случилось первое Лерино дежурство. Собственно, оно должно было наступить гораздо раньше, но она все оттягивала этот момент, договариваясь с другими врачами, чтобы те заменили ее.

Ей не с кем было оставить Машку на ночь. Дом, в который они переехали два года назад, был новым, многоподъездным и многоэтажным. Почему-то Лера не смогла найти близкого контакта с жильцами – может, оттого, что виделись соседи преимущественно в лифте, спеша на работу, а во двор, где гуляли молодые мамочки с малышами, Лера Машку не водила – отправлялась с ней в ближайший лесопарк, подальше от бензиновых испарений и собачьих кучек.

Хороших, близких друзей, которых можно было попросить посидеть с девочкой, у Леры не завелось, а о том, чтобы оставить дочку ночевать одну, она и думать не хотела.

Дальше отказываться было нельзя, тем более Максимов уже три раза напоминал ей об обязанности регулярно дежурить по отделению. Лера пошла на компромисс – решила взять Машку с собой. Она не была уверена, что шеф отнесется к этому с пониманием. Но все же надеялась, что делать ему будет нечего и он смирится – не прогонит же ребенка на улицу, в самом деле!

Однако все оказалось еще лучше: завотделением днем срочно уехал на конференцию в подмосковный Чехов, обещая вернуться лишь послезавтра. Об этом Лере сообщила Настя, также дежурившая в этот вечер.

– Ой, какая маленькая! – умилилась она, увидев выглядывающую из-за ее спины набычившуюся Машку. – И как похожа на тебя! Копия!

Лера усмехнулась. Ну и подлиза эта Настя, хлебом не корми ее, только дай сказать комплимент!

В Машке ничего Лериного не было, она целиком в Илью пошла. Лера – шатенка, глаза у нее зеленовато-серые, а дочка беленькая, голубоглазая, полностью в отца. И улыбка его, и нос, и даже уши – чуть торчат в стороны, как у Чебурашки.

Настя тем временем уже тормошила Машку, она присела перед ней на корточки и полезла в карман халата:

– Хочешь конфетку? Шоколадную!

Машка кивнула и потянулась было к Насте, но Лера строго покачала головой:

– Настена, не давай. Ей нельзя шоколада.

– Совсем? – огорчилась девушка.

– Совсем. Тут же крапивница высыплет. Она и сама знает, никогда не просит.

Машку, так и не получившую конфету, отвели в сестринскую, накормили йогуртом с кукурузными хлопьями и оставили играть с предусмотрительно захваченным из дома любимым зайцем по кличке Роджер. Настя побежала делать процедуры, а Лера пошла по палатам с вечерним обходом.

В отделении было спокойно, больные готовились лечь спать, лишь у одной женщины сильно разболелась голова. Лера измерила ей температуру – нормальная. Видимо, просто мигрень. Дав женщине анальгин, она заглянула в соседнюю палату. Там было тихо, свет уже погасили, только в углу у окошка маячил чей-то темный силуэт. Лера подошла поближе: по маленькому пятачку между кроватью и столом взад-вперед бродила девушка, совсем молодая, на вид младше Леры. Лицо у нее было потерянным и страдальческим.

– Вас что-то беспокоит? – Лера осторожно дотронулась до ее плеча.

Девушка вздрогнула, точно ужаленная.

– Почему вы не ложитесь? – мягко спросила она.

– Не могу, – пожаловалась девушка. – Вдруг так тревожно стало, сердце точно выскочить хочет. Страшно.

– Ну что вы. – Лера усадила ее на кровать. – Успокойтесь. Я вам сейчас валерьянки принесу, выпьете, и все пройдет.

Она заглянула в карту пациентки. Там значилось, что у девушки обострение хронической язвы двенадцатиперстной кишки. Анна, в ведении которой находилась больная, назначила ей обычное лечение: физиотерапию и препараты, нейтрализующие желудочный сок. Никаких лекарств, способных вызвать у пациентки внезапные психические реакции, Лера в назначениях не обнаружила.

Вдвоем с подошедшей Настей они успокоили девушку, напоили ее валерьянкой и уложили в постель. Потом Лера принялась за оформление документации, а Настя отправилась к себе, в сестринскую, разбираться с анализами.

Прошло около часа. Лера так углубилась в записи, что не сразу заметила, как дверь ординаторской приоткрылась. На пороге стояла все та же девушка с язвой.

– Руку жжет, – почти беззвучно, одними губами проговорила она.

– Аллергия? – предположила Лера и тут же вскочила: девушка начала медленно оседать на пол. – Настя! – громко крикнула она, кидаясь к двери. – Скорей сюда!

Влетела перепуганная Настя. Вместе они подняли девчонку с пола и перенесли на диван. По ее лицу разлилась мертвенная бледность, шею и грудь покрывал липкий пот.

– Неужели прободение язвы? – Лера снова и снова листала карту. – Не может быть! Ее привезли не в таком тяжелом состоянии, да и лечение уже дало результаты.

– Давит… здесь, – слабо прошептала девушка, обеими руками держась за грудь.

Леру вдруг осенило. Елки-палки! Как она могла не понять? Жжение в левой руке, давление в области сердца, тревога, потливость – это же признаки стенокардии! У девицы банальный приступ стенокардии, а они с Настей валерьянкой ее отпаивают.

– Настя, быстро посади ее! – скомандовала Лера.

– Посадить? – изумилась та.

– Да! Ей нельзя лежать, нужно сесть. У нее сердечный приступ и, видимо, начало ишемической болезни сердца. Дай ей нитроглицерин. Или… нет, погоди…

«Эх, почему сейчас нет в отделении Анны или, на худой конец, Светки? Нитроглицерин резко снижает давление, а у девицы оно и так низкое. Значит,

нельзя. Тогда…»

– Валидол и горчичники, – приказала она Насте.

Та глянула на Леру дико, но ничего не сказала. Исчезла на три минуты, затем вернулась с лекарством, пачкой горчичников и лотком с водой.

Лера дала девушке таблетку под язык, поставила горчичник на грудную клетку. Через несколько минут пациентка слегка порозовела, из ее глаз ушел животный страх, губы разжались.

– Легче? – спросила Лера, напряженно вглядываясь в ее лицо.

– Легче, – слабо улыбнулась больная. – Никогда такого не было.

– Да уж, вам бы еще лет двадцать без такого прожить. – Лера покачала головой. – Рановато вы ишемическую болезнь приобрели. Язвы вам мало?

– Это все по наследству, – проговорила девушка. – От матери. У той и язва, и стенокардия – еще с молодости.

– Ничего, – утешила больную Настя. – Подлечитесь. Сейчас и лекарства другие, и методы разные, новые, не те, что во времена вашей мамы.

– Верно, – со вздохом согласилась девчонка.

Отправив пациентку в палату, Лера и Настя, чтобы развеяться, пошли на заветный балкончик.

– Ну мы даем! – сокрушалась Лера, не замечая, как жадно, точно Анна, хватает из протянутой Настей пачки сигарету. – Хорошо еще, что она до ординаторской дошла, а не в коридоре завалилась. То-то здорово было бы!

– Расслабься, Леруся, – уговаривала ее Настя. – Ничего бы не случилось. Позвонили бы в реанимацию.

– Типун тебе на язык! – рассердилась Лера. – Тьфу, у самой сердце схватило.

– А я вчера письмо от Гошки получила, – невпопад сказала Настя и неожиданно перегнулась через перильца. Так низко, что Лере показалось – она сейчас сверзится с пятого этажа.

– Очумела?! – Лера схватила девушку за плечи, потянула к себе.

Настя, смеясь, подняла голову:

– Испугалась?

– Идиотка! Решила покончить собой, не вынеся разлуки с любимым?

– Вовсе нет. Я часто так делаю. Мне нравится – висишь вниз головой, смотришь на землю, точно летишь.

– Правда чокнутая. – Лера сердито пожала плечами. – Долетаешься как-нибудь. Голова закружится – и привет родителям. Что пишет твой герой?

– Ничего нового. – Настя вздохнула. – Опять с кем-то подрался. Причем он же и виноватым оказался, его на губу посадили. На трое суток.

– Может, ему стоит быть погибче? – предположила Лера. – Не пускать в ход кулаки чуть что?

– Ты не понимаешь, – тут же вспылила Настя. – У него же чувство собственного достоинства! Он его защищает. Поняла?

– Угу. – Лера сосредоточенно втянула табачный дым и вдруг спохватилась: – Ой! А Машка-то! Ей же давно пора спать.

В сестринской, однако, Машки не оказалось. Заяц сиротливо сидел на диванчике, рядом с ним аккуратно лежал огрызок яблока, а самой девочки не было. Не нашли ее Лера с Настей и в ординаторской.

– Ну, попляшет она у меня! – пригрозила Лера, стараясь гневом подавить овладевающее ею волнение. – Найду, выдам по полной программе.

– Давай я в туалете посмотрю, – предложила Настя, – а ты загляни в палаты.

– Там уже все спят.

– Может, она зашла, да заплутала в темноте. Глянь на всякий случай.

Настя убежала в конец коридора, а Лера, все больше нервничая, начала осторожно приоткрывать двери в палаты. Везде было темно, больные спали.

Когда Лера обошла семь палат, руки у нее уже ходили ходуном. В мыслях она рисовала страшную картину, как девочка потихоньку вышла на лестницу, спустилась в подвал и свалилась куда-нибудь в темноте. Лера толкнула очередную дверь и застыла на пороге.

В палате слабо светил ночничок. Скворцов дремал, натянув на голову одеяло. Посреди комнаты на стуле сидела Машка. Одна косичка опущена на грудь, другая перекинута через плечо на спину, подбородок гордо и даже высокомерно поднят, а руки манерно скрещены на животе.

Напротив нее на кровати сидел Шаповалов и старательно водил карандашом по блокнотному листку.

– Маша! – выдохнула Лера. – Ты здесь!

– Я только на чуть-чуть. – Девочка виновато хлопнула глазами. – Дядя Андрей сейчас меня дорисует, и я уйду, ладно?

Андрей прервал свое занятие и вопросительно взглянул на Леру.

– Да ты… – грозным шепотом начала Лера. – Как ты могла? Где я тебе велела быть? Почему ты ушла без спросу? Мы чуть с ума не сошли, все палаты проверили! Ну ты и получишь!

Машка скуксилась, нос наморщился, губы скривились.

– Не ругайте вы ее так, – попросил Андрей. – Она недавно пришла. Вышла в коридор и перепутала двери, вот и попала сюда.

– Немедленно идем спать, – приказала Лера дочке. – Как не стыдно! Тут больные, а ты им не даешь отдыхать.

– Да я уже наотдыхался за целый день. – Андрей усмехнулся и протянул девочке листок. – На. Почти готово. Нравится?

– Ага! – воодушевленно произнесла Машка, разглядывая портрет. – А можно я маме секрет скажу?

– Нельзя, – поспешно откликнулся Шаповалов. – Мы же договорились.

– Ну пожалуйста! Ей будет приятно.

– Какой еще секрет? – недоуменно спросила Лера.

– Маша, – строго предупредил Андрей, – не смей!

– Скажу! – Машка хитро прищурилась, вытащила из-за спины косичку и, теребя ее, торжествующе проговорила: – Мам, он и твой портрет нарисовал. Даже лучше, чем мой. Пусть покажет.

– Вот и имей после этого дело с девчонками. – Андрей шутливо нахмурился, однако Лера заметила, что он немного смущен, хоть и пытается это скрыть.

– Можно посмотреть? – попросила она.

– Пожалуйста. – Шаповалов пожал плечами, с делано-равнодушным видом достал из тумбочки другой листок и подал его Лере.

Так вот, оказывается, что он все это время черкал в своем блокноте во время ее обходов. Лера придирчиво разглядывала женское лицо, изображенное на листе.

Она. И в то же время не она. Похожа, это факт, но все же что-то не так – есть различие, и принципиальное.

Нет, все-таки это она, но будто бы на десять лет моложе. Совсем юная, такая, какой она была еще до встречи с Ильей и рождения Машки: с сияющими, широко распахнутыми глазами, гордо поднятой головой, свободно развевающимися волосами. Одним словом, очень красивая. Даже слишком!

Андрей выжидающе смотрел, какое впечатление производит его работа.

– Это хобби? – спросила Лера.

– Нет, профессия.

– Вы художник? – удивилась она.

– А что, не похож?

– Нет, почему же… – Лера пожала плечами.

– Ну и как?

– Хорошо. – Она опустила руку с листком. – Но есть одно «но».

– Какое еще «но»? – Андрей недоверчиво прищурился.

– Художник должен рисовать правдиво, а вы покривили душой.

– В чем это вы увидели неправду? – обиделся он.

– Да во всем. – Лера улыбнулась. – Я совсем не такая, какой вы меня изобразили. Мне до этой девушки далеко. И потом, она намного моложе своего прообраза.

– Ничего подобного! – самоуверенно возразил Шаповалов.

– Да!

– Нет!

– Точно-точно!

– Да вы… вы в зеркало на себя поглядите, Валерия Павловна! – неожиданно выпалил Андрей.

Лера, машинально повинуясь его словам, обернулась и глянула в висящее в углу над раковиной зеркало.

Мамочка! На кого она похожа! Глаза блестят, аккуратное, волосок к волоску каре растрепалось, так что волосы падают на лоб и щеки. Да еще и свекольный румянец во все лицо!

Это был ее бич еще со школьной скамьи: стоило хотя бы чуть-чуть разволноваться или смутиться, она вспыхивала, как маков цвет, до самых корней волос. Как только Лера не боролась с этой дурацкой особенностью своей кожи моментально, точно барометр, реагировать на любое возбуждение: умывалась ледяной водой, старалась держать эмоции под контролем, даже пила какие-то специальные капли, прописанные врачом. Но все было напрасно: предательские сосуды делали свое дело. В классе Леру шутливо поддразнивали, называя «красный свет».

Она быстро провела ладонями по волосам, стараясь пригладить прическу. Андрей сидел на кровати, скрестив руки на груди и глядя на нее одновременно насмешливо и восхищенно, и молчал.

Она почувствовала, как под его взглядом жар заливает уже не только лицо, но и шею, горячими делаются ладони, а ноги слабеют, становятся мягкими, ватными.

– Так, Андрей Васильевич, – Лера попыталась придать голосу как можно больше строгости и официальности, – немедленно ложитесь. Вы и так нарушили режим, сейчас одиннадцать часов.

– Слушаюсь, Валерия Павловна, – в тон ей ответил Шаповалов. При этом глаза его так и остались озорными, он продолжал пристально, беззастенчиво разглядывать ее в упор. – Рисунок только отдайте – он ведь вам не понравился.

– Не отдам. – Лера покачала головой, сложила листок и спрятала в карман халата. Она подхватила Машку за руку и пошла к двери, но на пороге все же не выдержала и обернулась, а затем решительно шагнула из палаты. Настя стояла у выхода из отделения.

– Нашлась? – обрадовалась она, увидев Леру с Машкой. – А то я с того конца все палаты просмотрела, хотела уже вниз бежать.

– Нашлась, – рассеянно пробормотала она.

– Перенервничала, – посочувствовала Настя, вглядываясь в ее лицо. – Прямо вся горишь. Я тебе сейчас не нужна?

– Нет-нет. – Лера поспешно покачала головой.

– Тогда пойду инструменты в порядок приведу, а то Наталья завтра убьет.

– Давай.

Настя скрылась в процедурной. Лера выдохнула с облегчением и потащила Машку в ординаторскую. Та, чувствуя себя виноватой, быстренько разделась, легла и затихла.

Лера постояла над ней несколько минут, послушала ровное, сонное дыхание, а потом тихонько, на цыпочках приблизилась к зеркалу, тому самому, перед которым так любила прихорашиваться Анна.

Жаркий румянец так и не сошел с ее лица. Да и взгляд у зеркального двойника был каким-то шальным, блуждающим. И неудержимо радостным.

Лера состроила себе свирепую гримасу. Дура, нашла чему радоваться! Ну нравится он ей, с самого первого взгляда понравился, это ясно, и нечего было самой себе врать! Притворяться, что он ей до лампочки, а самой только и мечтать, чтобы он обратил на нее внимание, сделал что-нибудь такое…

Ну, вот он и сделал. И что теперь? Что у них может получиться? Да ничего, ровным счетом ничего.

Она и не знает его толком: как, чем жил, где работал, что у него на уме. Разве можно вот так влюбиться, ни с того ни с сего, да еще когда у самой полно проблем! Только-только немного утихла боль, и вся она без остатка должна принадлежать покинутой отцом Машке…

Лера медленно покачала головой, завороженно глядя, как ее отражение повторяет этот жест.

Ни к чему все это! Андрей – мальчишка по сравнению с ней. Пусть у них не такая уж большая разница в возрасте – всего четыре года, но ясно же, что она гораздо старше. Слишком много уже произошло в ее жизни, принеся горький опыт, разочарование, усталость. Еще раз разочароваться будет совсем нестерпимо. Лера не Анна, упрощать такие вещи не умеет.

Да и нельзя ничего упрощать с таким парнем, как Андрей. Он гордый, болезни своей стесняется, насмешничает, а глаза-то его Лера видела, когда обернулась: серьезные и грустные. Или ей показалось?

Лера открыла холодную воду, умылась, стараясь расслабиться, снять с себя напряжение, и вернулась к столу, к недописанным картам. Попробовала работать, но не смогла: в голову все время лезли посторонние мысли.

«Как Настена прямо!» – сердито подумала Лера и встала. Накинув пальто, она воровато прошмыгнула мимо полуоткрытой двери в процедурную, где орудовала Настя, и вышла на балкон. Мягкие, влажные хлопья первого снега приятно коснулись разгоряченного лица. Лера оперлась о перила и задумчиво посмотрела вниз, на тускло освещенный больничный двор. Потом она сунула руку за пазуху, вытащила лежащий в кармане халата листок и бережно разгладила, заслоняя ладонью от снежинок.

Линии рисунка были стремительными, легкими, точно летящими. Ничего не скажешь, здорово нарисовано, хоть и приукрашено. Ай да Настя – как в воду глядела, когда говорила, что с Леры портрет нужно писать! Вот вам и портрет, пожалуйста, как по заказу. Неужели Андрей и вправду считает ее такой красавицей?

Сзади тихонько скрипнуло. Сердце у Леры тут же резко ухнуло вниз. Он? Не спит? Пришел?!

Она стремительно обернулась: никого. Лишь ветер раскачивает балконную дверь.

Лера спрятала рисунок и вернулась в ординаторскую. Машка спала, скинув на пол плед, которым она ее укрыла, поджав под себя одну ногу и свесив руку.

Лера поглядела на дочь, улыбнулась, уложила поудобней, укрыла и вновь уселась за истории болезни.

Надо работать и ни о чем не думать. Она и так знает, что все ее мысли лишь бесплодные мечты. Скоро его выпишут, он уйдет, найдет себе девчонку, молодую, свободную, как он сам. А Лера станет жить как жила, лечить больных, растить Машку, трепаться на балкончике с Анной. Так все и будет!

7

Ночью Лера все для себя решила, а на деле оказалось по-другому.

Утром она теперь просыпалась ни свет ни заря, свежая, бодрая, точно и не работала накануне, и по дому ничего не делала. Ноги сами несли ее в больницу.

Прошагать десять минут по лужам или, при нехватке времени, проехать три минуты на автобусе, миновать калитку в чугунной ограде – и вот они, знакомые корпуса. Дальний – это роддом, под его окнами вечно толпятся счастливые отцы с букетами и авоськами, в среднем помещается травматология, а ближний – тот, что нужен Лере. Там на первом этаже расположено приемное, на втором – реанимация, дальше – лоротделение, а за ним, на четвертом и пятом этажах, – две терапии. Еще выше – оперблок.

Лера, едва переодевшись и отсидев летучку, сразу бежала по палатам. Скорей, скорей, пока не дойдет до заветной восьмой.

С Андреем она вела себя сдержанно, говорила только о его самочувствии, да еще иногда обсуждала Скворцова, а глаза старательно отводила в сторону.

И все-таки каждый раз во время ее посещений случался такой момент, когда их взгляды встречались. Тогда оба, как по команде, замолкали на полуслове, продолжая общение на неслышимом, лишь двоим понятном языке.

Каждый раз после такого «разговора» Лера с трудом заставляла себя очнуться и продолжать работать – ей хотелось, чтоб эти мгновения длились как можно дольше.

Даже дед со временем стал замечать их бессловесную беседу и во время нее затихал, переставая ворчать, лишь кряхтел и кашлял.

Поняла все и Анна.

Как-то раз, выйдя из восьмой палаты, Лера наткнулась на ее многозначительную ухмылку. Она хотела было пройти мимо подруги, но та цепко взяла ее под руку.

– Не наухаживалась, чай, за больной дочкой, мамаша? – насмешливо проворковала Анна в самое ухо.

– О чем это ты? – Лера невинно округлила глаза, демонстрируя полное недоумение.

– Да все о том же. – Анна кивнула на полуоткрытую дверь, за которой остались Андрей и Скворцов. – Мало тебе ребенка, так еще и кавалер понадобился, который еле на ногах стоит!

– Что за чушь! – Лера резко высвободила руку. – С чего ты это взяла? И вообще, какое твое дело?

– Никакого, – покладисто согласилась Анна, – просто жалею тебя, дурочку. Влипнешь ведь, тут и ясновидящей быть не надо.

– Да с чего я влипну-то?! Куда?! – окончательно завелась Лера.

– Туда! – хмыкнула Анна, отступая. – Думаешь, не видно, с какой физиономией ты из восьмой вылетаешь? Хоть бы в зеркало для начала поглядела, а потом уж на люди появлялась.

– Глядела. – Лера безнадежно махнула рукой.

Она понимала, что, по большому счету, Анна права, хоть и ведет себя по-хамски, и сует нос, куда не просят, но ничего не могла с собой поделать. Слишком втянулась в эти странные, недосказанные, запретные отношения, чтобы остановиться, перестать плыть по течению, образумиться.

Анна мотнула головой, смерила Леру долгим ироническим взглядом и пошла по своим делам, а ее угрызения совести продолжились ровно до следующего обхода.

Рисунок Андрея она повесила дома на стену возле кровати и каждый вечер долго, внимательно смотрела на него. Чем больше она вглядывалась в контуры лица, изображенного на портрете, тем больше ей начинало казаться, что художник был прав и рисунок – точная ее копия. Он стал Лере чем-то вроде талисмана, отгонял от нее мрачные мысли, давая ощущение силы и уверенности в завтрашнем дне.

8

Ноябрь перевалил за середину. Зима в этом году настала ранняя, снегу намело целые сугробы. В один из выходных Лера выбралась на рынок и купила Машке двустороннюю пуховую куртку – ярко-желтую с одной стороны и синюю с другой, а себе приобрела кокетливый берет из светло-серой ангоры.

Илья не объявлялся, и Лера наконец решилась позвонить ему сама. Впереди маячило очередное дежурство, и снова, уже в который раз, брать Машку в отделение на ночь у нее не было ни малейшего желания: во-первых, девочка плохо высыпалась на узком жестком диване, во-вторых, Лера точно знала, что Максимов никуда на этот раз не уедет и будет в больнице до позднего вечера. Одалживаться у него Лера не хотела и потому набрала номер мужа, надеясь, что

тот не откажется посидеть с дочкой.

На работе Ильи не оказалось, пришлось звонить домой. Трубку тут же схватила Марина. Услышав ее голос, она безапелляционно заявила:

– Илюша болеет. У него грипп. С температурой.

– Давно болеет? – огорченно спросила Лера.

– Вторую неделю.

– И высокая температура?

– Тридцать семь, – скорбно ответила Марина.

– Позови его, мне надо ему кое-что сказать.

Та замялась, потом нехотя проговорила:

– Ладно, позову. Только, знаешь, я давно хотела тебе сказать – он после разговоров с тобой несколько дней ходит как в воду опущенный. Поэтому ты полегче, не огорчай его, он ведь человек ранимый.

– Да что ты? – съязвила Лера. – Я как-то не замечала.

– Ты многого не замечала, – трагическим тоном произнесла Марина и позвала мужа.

– Слушаю! – слабым голосом сказал подошедший Илья.

– Это я, привет, – стараясь говорить мягко, начала Лера.

– Привет, – еще жалобней поздоровался Илья и старательно, фальшиво закашлялся.

– Как ты себя чувствуешь? – поинтересовалась она.

– Ужасно. Десять дней на работу не хожу. Все болит, страшная слабость.

– До завтра не оклемаешься? – с надеждой спросила Лера.

– А что завтра? – испугался Илья.

– У меня ночное дежурство. Я хотела, чтобы ты остался с Машей. Можно было бы взять машину от дома до дома, я вам ужин оставлю. Ничего не надо делать, только переночевать. Ты ведь уже незаразный, вирус больше пяти дней в организме не живет.

– Видишь ли, – промямлил Илья, – вряд ли.

– Почему? – огорчилась Лера. – Ведь я тебя ни о чем не прошу, кроме как лечь спать в бывшей квартире. Если хочешь, заодно послушаю тебя и осмотрю. Может быть, есть какие-то осложнения.

– Нет-нет, – поспешно возразил Илья. – Не надо меня осматривать. Понимаешь… я точно не смогу. Завтра мы с Марой и Мишуткой идем в цирк. Билеты взяли… еще месяц назад… дорогущие! – Лера чувствовала, что ему неловко, и понимала, что Марина находится рядом, бесцеремонно слушая его разговор с бывшей женой.

– Ты уж извини, – закончил Илья и снова начал тонко, неестественно кашлять.

– Тебе кашель представление смотреть не помешает? – спросила Лера.

Он промолчал.

– Хорошо, – спокойно проговорила она, – я все поняла. Извини за беспокойство. Тебя, наверное, можно больше не ждать?

– Почему? – слабо возразил Илья. – Потом… как-нибудь, обязательно…

– Я думаю, – перебила его Лера, – Маше стоит сказать все как есть. Она уже не верит в твою командировку. И в затянувшийся отпуск тоже.

– Скажи, – потерянно согласился Илья.

«Господи, – с горечью подумала Лера, – какая же он тряпка! Как я могла прожить с ним пять лет и не заметить этого?»

– Пока, – ровным голосом проговорила она и повесила трубку.

Настроение было безнадежно испорчено. Обида за дочку переполняла Леру, делала ее злой и несчастной.

Как же так? Родной отец! Ведь он так хотел ребенка, прыгал у детской кроватки, тряс перед носом у малышки погремушкой, большой, сине-розовой, купленной в каком-то навороченном бутике за громадные по тем временам деньги!

Лера кинула свирепый взгляд на ни в чем не повинный телефон, оказавшийся свидетелем ее унижения, накинула на плечи пальто и вышла на лестничную клетку – налаживать контакты с соседями, сидящими дома.

В квартире, примыкавшей к ее собственной, жил одинокий холостяк, вечно хмурый, неулыбчивый мужик, часто выговаривающий Машке за то, что она громко топает за стеной. Его кандидатуру Лера сразу отмела.

Следующая квартира принадлежала многодетной семье, где беспробудно пил отец. Маленькая, хрупкая, похожая на бесплотную тень мать пробегала мимо Леры, бормоча под нос что-то невнятное, дети – их было пятеро, мал мала меньше, – торчали во дворе с утра до ночи, все до одного сопливые и с разбитыми коленками. Подсунуть в такое семейство Машку, естественно, не представлялось возможным.

Оставалась последняя квартира на площадке. Ее хозяйкой была чистенькая, приветливая старушка Елизавета Тихоновна, в прошлом учительница. Она жила одна, изредка ее навещали дочка и внук, приезжающие с другого конца Москвы, и ее отрадой был карликовый пуделек по кличке Ромео. Ромео, или Ромик, как называли его соседские ребята, имел курчавую шерстку нежно-абрикосового цвета, круглые жалобные глаза и слегка торчавшие из пасти желтоватые клычки. Утром и вечером Елизавета Тихоновна и Ромео чинно гуляли вокруг

дома. Иногда старушка отдыхала на скамейке в обществе своих приятельниц, а пудель заливисто тявкал и крутился вокруг лавочки, упрашивая хозяйку прервать увлекательную беседу и совершить необходимый ему моцион.

Пожалуй, Елизавета Тихоновна больше всех подходила для роли ночной няни. Лера никогда не бывала у нее в гостях, лишь приветливо здоровалась при встрече, но сейчас выбора у нее не оставалось: жильцов этажами ниже она знала еще хуже.

Лера решительно позвонила в дверь. Тут же послышался веселый, звонкий лай, а за ним старческий голос, уговаривающий собачонку замолчать.

Щелкнул замок, звякнула цепочка, и на пороге появилась Елизавета Тихоновна, в очках, сдвинутых на лоб, и фартуке. Руки у нее были по локоть вымазаны мукой.

Старуха, сощурившись, вгляделась в ее лицо и удивленно наклонила голову.

– Здравствуйте, – поздоровалась Лера. – Извините за беспокойство. У меня к вам просьба.

– Здравствуйте, милая. – Елизавета Тихоновна распахнула дверь пошире, отпихивая ногой рвавшегося на площадку пса. – Фу, Ромео, фу! Как не стыдно! Ты же недавно только гулял. Вы проходите, – обратилась она к Лере.

Та зашла в уютную, тщательно прибранную прихожую.

– Я пироги затеяла, – извиняющимся тоном объяснила старушка. – Ничего, если мы на кухне поговорим?

– Конечно. – Лера повесила пальто на вешалку, в компанию к одинокой истертой искусственной шубке, и двинулась за хозяйкой на кухню.

На столе стояли внушительных размеров миска с тестом и раскрытый пакет с мукой. Рядом лежала деревянная скалка. Старуха тыльной стороной руки спустила очки со лба.

– Садитесь. – Она кивнула на табурет. – Если немножко подождете, выпьем чаю с ватрушками.

– Спасибо, – вежливо поблагодарила Лера. – Я только на пару слов. У меня послезавтра на работе ночное дежурство, и я хотела вас попросить…

– А где вы работаете? – перебила Елизавета Тихоновна.

– В больнице. Я врач. Если будет нужно, пожалуйста, обращайтесь.

– Обязательно, – с готовностью пообещала старуха. – Простите, что не дала вам договорить, но мне было любопытно… Вы ведь раньше не работали? Я вас с девочкой видела, то-то, думала, образцовая мама, все время ребенку отдает. А теперь, значит, вы решили заняться карьерой?

– Какая там карьера! – Лера невольно улыбнулась, представив себе ворчащего Степаныча. – Просто надо как-то зарабатывать.

– А ваш муж? – удивленно начала было бабулька, но тут же догадливо замолчала.

– Мужа нет, – спокойно сказала Лера. – Он больше с нами не живет, и я хотела попросить вас побыть с Машей завтрашней ночью. Кроме вас, мне обратиться не к кому.

– Миленькая вы моя! – Елизавета Тихоновна оторвалась от стряпни и понимающе покачала головой. – Как же это! Вот беда. Так вы теперь одни с девочкой? Я и смотрю, вас не видать последнее время. С кем же она днем?

– В саду.

– Нравится ей там?

– Не очень.

– Еще бы! – Старушка выразительно поджала губы. – Кто там будет за ней смотреть так, как вы? Не волнуйтесь, милая, я посижу с малышкой. Только этого

мальчика придется взять с собой. – Она указала на пуделя, с умным видом внимавшего их разговору. – Да, Ромео? Да, мой хороший? Ты ведь будешь скучать без меня, так?

Песик с готовностью гавкнул в ответ.

– Когда нам прийти? – сноровисто орудуя скалкой, полюбопытствовала Елизавета Тихоновна.

– В том-то и дело, – смущенно начала Лера, – что надо еще забрать Машу из садика. Сама я не смогу – мы ведь дежурим сутки, с самого утра. Вам не трудно будет это сделать?

– Не трудно, – согласилась старуха. – Мы как раз вечерком выйдем с Ромео прогуляться и заберем Машеньку. А где находится садик, я знаю, не волнуйтесь.

– Очень хорошо, – обрадовалась Лера. – Ну, я пойду, не буду вас отвлекать. – Она встала.

– А ватрушки? – заволновалась соседка. – Как же ватрушки? Мне совсем чуть-чуть осталось. Уж подождите, почаевничаем. Ко мне так редко гости ходят, да и то все старухи. А я скучаю с ними. – Елизавета Тихоновна улыбнулась. – С молодежью пообщаться охота. Привычка – всю жизнь в школе проработала. Так что оставайтесь!

Обидеть старуху Лера не решилась и потому осталась пить чай с ватрушками. Чаепитие затянулось: пожилая женщина, почти все время проводящая в компании собаки, разговорилась, радуясь, что появился собеседник. Она рассказала Лере множество случаев из своей жизни, поделилась грустными мыслями по поводу семейных дел дочери, также находящейся на грани развода, посетовала на внука, что тот совсем не хочет читать, а протирает штаны за компьютером.

Пришлось все это выслушать, хотя голова Лерина была занята совсем другим.

Наконец Елизавета Тихоновна спохватилась:

– Я вас заговорила, а вы, наверное, торопитесь. Вам ведь в сад, за малышкой?

– Да, – с готовностью согласилась Лера. На самом деле Машка давно была дома: она сегодня рано освободилась и забрала ее сразу после полдника. Но это был хороший предлог прервать бесконечную и нудную беседу с соседкой.

Они распрощались, и Лера вернулась в квартиру. Машка тихонько играла в своем уголке, разговаривая разными голосами попеременно то за одну куклу, то за другую.

Лера ушла на кухню готовить еду на завтра, чувствуя облегчение от того, что отпала хотя бы одна из проблем.

Занимаясь хозяйством, она невольно погрузилась в воспоминания об Илье, об их жизни. Все последние месяцы она старательно запрещала себе вспоминать прошлое, пытаясь сосредоточиться лишь на сегодняшнем дне. Но разговор с соседкой вывел ее из зыбкого состояния равновесия.

В самом деле, как же так? Они ведь считались вполне крепкой и дружной семьей, и любовь у них была, Лера могла поклясться! И ухаживал за ней Илья красиво, по высшему разряду, водил в кафе и театры, дарил цветы и шоколадки.

…Они обратили внимание друг на друга уже на первом курсе. Лера еще со старших классов школы не была обижена вниманием противоположного пола, и в институте вокруг нее сразу же возникла толпа ухажеров. Она, однако, не спешила отдавать предпочтение одному из бегающих за ней ребят. На то было несколько причин. Во-первых, мать перед отъездом из родного города настращала дочь рассказами о Москве, где якобы все развратны и девушке пропасть ничего не стоит.

Во-вторых, она была увлечена учебой и втайне мечтала об успешной врачебной карьере, а для этого с любовью и серьезными отношениями следовало подождать несколько лет. А в-третьих, ей просто не нравился по-настоящему никто из воздыхателей. Кроме странноватого высокого парня с соседнего потока, вечно штудирующего учебник или тетрадь в перерывах между лекциями, пока другие студенты курили, флиртовали и травили анекдоты. Он выделялся необычной серьезностью и отрешенностью от бытовой суеты.

На общих семинарах он всегда с блеском отвечал на самые сложные вопросы. Приятели дразнили его ботаном, но тем не менее относились с уважением. Девушки поглядывали в сторону чересчур умного однокурсника с плохо скрытым интересом – он был не только развит интеллектуально, но и привлекателен внешне, спортивен.

Лера хорошо помнила тот семинар по химии, на который непоправимо опаздывала из-за сломавшегося на полпути троллейбуса. Когда она, раскрасневшаяся от бега и растрепанная, влетела наконец в аудиторию, свободных мест уже не было. Кроме одного – как раз рядом с ним.

Она не раздумывая уселась около парня, сосредоточенно глядящего на пестрящую формулами доску. Тот мельком покосился на девушку, ничего не сказал и принялся старательно переписывать их в тетрадь.

А Лера почему-то никак не могла включиться в занятия. Все смотрела украдкой на серьезное лицо соседа, его упрямый, жесткий подбородок, на то, как он аккуратно держит ручку, кажущуюся ненатурально крошечной в его огромных ладонях. Он почувствовал, что его разглядывают, поднял голову от тетради, близоруко сощурился и улыбнулся: – Вас как зовут?

– Валерия.

– А меня Илья.

Из института они ушли вместе. Он проводил Леру до самых дверей общаги, где она жила. Говорил, правда, все больше о прошедшем семинаре и о том, что пробовал проводить такие опыты еще в школе, занимаясь в кружке. Лере было интересно, она понимала многое из сказанного Ильей, но больше всего ей доставляло удовольствие то, что он идет рядом, на его квадратном плече легко покачивается ее сумка, а сам он широко размахивает руками, стараясь что-то втолковать своей спутнице.

Илья оказался удивительным – способным часами говорить о химии и биологии, да так увлекательно, будто пересказывал содержание приключенческого романа. Он был не похож на всех остальных, и она видела, что нравится ему. И сам Илья нравился Лере все больше и больше, пока не стало ясно, что ее отношение к нему уже не просто симпатия.

Кто бы мог ожидать от «ботана» такой искусности и расторопности в амурных делах! Блестящий интеллект явно помогал ему не только в учебе – их роман развивался со стремительностью, которая пугала и одновременно кружила голову. Было все – гуляния по Москве, поездки за город с костром, печеной картошкой и гитарой, а потом, чуть позже, сумасшедшие ночи и лихорадочное ощущение яркого счастья, такого, какое бывает лишь в юности. Да им и было по восемнадцать лет!

Они тщательно береглись, чтобы Лера не забеременела – это не входило в их планы. В начале последнего курса расписались, и тут она все-таки залетела. Через семь месяцев на свет появилась Машка, которую врачи называли нежизнеспособной.

Для Леры ее карьера закончилась, а для Ильи она только начиналась. Его, блестяще защитившего диплом, оставили на кафедре писать кандидатскую, и одновременно с этим он получил приглашение в военный госпиталь. Через пару лет, когда Лера таскалась с дочкой в поликлинику на процедуры, Илья уже заведовал хирургией. Там и положила на него глаз Марина, операционная сестра, мать-одиночка, растившая десятилетнего сына.

…Лера стряхнула с разделочной доски мелко нарезанный лук и сморгнула выступившие на глазах слезы.

Да, Илья, ее талантливый, целеустремленный и волевой муж, оказался размазней. Марина поработила его волю, полностью подчинила себе, лишила собственного мнения. Ну и нечего об этом! Не хватало еще снова реветь. Или это от лука?

Лера решительно направилась в ванную, включила холодную воду на полную мощь и тщательно вымыла покрасневшие, воспаленные глаза. Потом она наскоро закончила стряпню и улеглась в постель.

Утро началось с неприятного сюрприза: едва Лера проснулась, в дверь позвонили. Кое-как пригладив волосы и натянув халат, она прошлепала по коридору в прихожую, недоумевая, кто это может быть в такую рань.

На пороге стояла Елизавета Тихоновна. Вид у нее был взволнованный, руки заметно дрожали.

– Вот что, деточка, – заговорила она прерывающимся голосом, – у нас беда стряслась.

– Что за беда? – испугалась Лера. Не ровен час, что-то с дочерью старухи или, еще хуже, с внуком?

– Ромео, бедняжечка, не спал все ночь, скулил. Я сейчас потрогала его нос – совсем сухой. Видно, съел что-то не то, сто раз ему говорила не подбирать с земли всякую гадость – да разве он слушает! – Старуха убито опустила руки. Она выглядела совсем несчастной и подавленной. – Теперь к ветеринару надо. – Бабка вздохнула. – Прямо не знаю, как быть с Машенькой! Вряд ли я смогу сегодня с ней остаться, вдруг с Ромео что-то серьезное?

– Я думаю, ничего серьезного, – проговорила Лера, чувствуя, что уговаривать соседку бесполезно. – Скорее всего, отравление.

– Это специалист скажет, отравление или нет, – неожиданно сухим тоном сказала старушка. – Вы же, милая, не ветеринар!

– Конечно, – обреченно согласилась Лера, рисуя в воображении, как придется теперь вместо сада с самого утра везти Машку в больницу, объясняться с Максимовым, следить, чтобы она никуда не ушла, дожидаться, пока дочка заснет на узком диванчике.

– Так я пойду, – проговорила Елизавета Тихоновна, отступая назад, на площадку. – Вы уж извините меня, старуху. Если нужно будет в следующий раз, приходите обязательно.

– Приду. – Лера кивнула и закрыла за соседкой дверь. Она постояла в прихожей с минуту, переваривая свалившуюся на голову неприятность, и хотела было

набрать номер садика, предупредить, что Машка сегодня не придет. Но только она протянула руку к трубке, как телефон зазвонил сам.

– Привет! – бодро поздоровалась ей в ухо Светка. – Еще не родила. Как дела?

– Ничего, – сказал Лера.

– А голос почему грустный?

– Да так… – Она вздохнула. – Машку не с кем оставить, придется опять в больницу тащить с собой на дежурство.

– Зачем тащить? – оживилась Светка. – Завози ее ко мне. Это ведь недалеко.

– Ты с ума сошла, – недовольно пробурчала Лера. – Тебе еще этого не хватает! Сиди уж со своим брюхом.

– Не хватает, – заупрямилась Светка. – Знаешь, как дома одной тоскливо? Шурик с утра до вечера на работе, да и ночью иногда. Зинка до вечера в школе торчит, а потом на телефоне висит. И мать звонит каждые полчаса. – Она прерывисто вздохнула. – Я в больнице дни до отпуска считала, а теперь с удовольствием бы вернулась. Давай, правда, завози ко мне Машку прямо сейчас. Я ее и покормлю, и погуляю с ней вместо садика, и спать уложу. А ты назавтра приедешь заберешь ее. А?

В голосе у Светки звучала тоска, и Лера, поколебавшись, согласилась. Плохо, конечно, тащить Машку в метро рано утром, в час пик, – по городу гуляет грипп, не ровен час, подцепит инфекцию. С другой стороны, где гарантия, что она не заразится в автобусе? Ехать от дома до больницы две остановки, но они длинные, и пешком Машка их не пройдет.

Она подняла дочку, собрала минимум ее вещичек, кое-какие игрушки и отвезла к Светлане, которая жила на той же ветке метро, что и Лера, в пятнадцати минутах от нее.

Оттуда она поехала в больницу. Ей предстояло отработать день и затем отдежурить ночь.

День выдался тяжелый и скверный. Бывают такие отвратительные дни, когда все наши мелкие, но многочисленные промахи, невинные ошибки и несерьезные недоделки вдруг разом оборачиваются против нас. Неприятности сыплются одна за другой, а начинается такой черный день, как правило, еще накануне, с какого-нибудь неприятного момента.

Этой точкой для Леры стало ее вчерашнее объяснение с Ильей. После этого ее стало раздражать абсолютно все.

С самого утра неожиданно перестал работать рентген. Накануне Лера не успела сделать несколько срочных и важных снимков и очень надеялась сегодня наверстать упущенное, но не тут-то было. Рентгенолог Шура Василенко в ответ на вопросы о том, когда починят оборудование, лишь развела руками: аппаратура была старенькой, видавшей виды, и поломка, похоже, оказалась серьезной.

Пришлось тащить трех пациенток в соседний, травматологический корпус, где имелся второй рентген-кабинет, а для этого сначала просить санитарку сбегать в кладовку за хранящимися там теплыми вещами, при этом самой выслушать недовольное ворчание больных – женщин в возрасте далеко за шестьдесят.

У кабинета сидела огромная очередь, при виде вновь пришедших ожидавшие разразились жуткой бранью. Лера оставила пациенток в коридоре, а сама сделала попытку договориться с рентгенологом, чтобы та пропустила их пораньше. Врачиха, злобная тетка с крашенными в неестественно рыжий цвет волосами и с пышным бюстом, едва не разрывающим халат, ответила ледяным молчанием.

– Поймите, они все тяжелые, – принялась объяснять Лера. – Почти не ходят. Для них дорога сюда – уже нагрузка. А тут еще сидеть на сквозняке!

– Ничего, посидят, – отрезала крашеная и с остервенением надавила на кнопку вызова.

В кабинет заглянул очередной больной, лысый мужчина с забинтованной рукой. Врачиха отвернулась, всем своим видом демонстрируя, что разговор окончен.

Лера вздохнула и вышла. Ждать пришлось около сорока минут. Едва она вернулась в свой корпус и разложила на столе в ординаторской еще влажные снимки, в дверях возник Максимов.

– Где это вы пропадаете все утро? – сухо поинтересовался он.

Пришлось раскрывать карты и сознаваться, что протянула со снимками, а больше ждать нельзя.

– Все откладываете на потом, – едко произнес шеф. – А лучше все делать вовремя. Тогда и по чужим корпусам бегать не придется, и старушек таскать по морозу будет без надобности.

Лера открыла было рот, чтобы возразить заведующему, сказать, что с ее загрузкой можно на стенку залезть, а все равно не успеть все выполнить в срок, но промолчала. С некоторых пор она дала себе зарок не оправдываться перед шефом и просто не обращать внимания на его бесконечные упреки.

Однако обидно было до слез. Разве могла она предусмотреть, что аппарат сломается именно сегодня? С Шурочкой Василенко у Леры были приятельские отношения, и она не сомневалась, что та пропустит ее пациенток без предварительной записи. Кроме того, всю последнюю неделю им с Анной приходилось работать с увеличенной нагрузкой: Полине Михайловне в очередной раз стало плохо с сердцем, она взяла больничный, и ее палаты повисли на других врачах. Как будто Максимов не знал о том цейтноте, в котором Лера пребывала все эти дни!

Не успела она прийти в себя после разговора с шефом, как услышала шум, доносящийся из седьмой палаты. Кричала больная, лежащая как раз на койке Ольги Савиновой. Перед ней, переминаясь с ноги на ногу, стояла растерянная Настя с упаковкой таблеток в руке.

– Хамство! – надрывалась тетка. – Я буду жаловаться! Сколько лежала в клиниках, нигде не было такого безобразия!

– Что случилось? – спросила Лера.

– Сестра должна была принести лекарство два часа назад! Я ее по всему отделению разыскивала – как провалилась!

– Я в процедурной была, – начала оправдываться Настя, глядя на Леру. – Ничего бы с ней не случилось без этих таблеток, подождала бы чуток. Обыкновенная но-шпа.

– Ну конечно, в процедурной она была! – раздался позади насмешливый голос, и в палату заглянула Наталья.

Вид у нее был непривычно мрачный, губы сердито поджаты.

– Обкурилась на своем балконе, и нечего морочить голову!

– Я? Обкурилась? – Настя округлила и без того огромные глаза. – Да я пяти минут там не стояла, у Лены спросите! Сегодня внутривенных вливаний пять штук! Мне что, разорваться?

– Правильно, – язвительно подхватила Наталья, – ты один укол по полчаса делаешь, где тебе пять успеть, да еще и лекарства разнести?

На физиономии тетки, получившей неожиданного союзника в лице старшей сестры, отразилось торжество. Она набрала в легкие побольше воздуха, чтобы с новыми силами наброситься на Настю. Лере стало неприятно, что Наталья завела разборку при пациентке.

– Наталья Макаровна, – обратилась она к сестре по имени-отчеству, хотя частенько, подобно Анне и другим врачам, называла ее Наташей и на «ты». – Зачем вы так? Сегодня действительно тяжелый день, Настя замоталась. Она извинится перед Клавдией Матвеевной за задержку с лекарством, и все будет в порядке.

– «В порядке»! – огрызнулась Наталья. – Забот у вас нет, кроме как покрывать Матюшину! Другие врачи вон сколько здесь работают, а в отношения между сестрами не встревают!

Лера почувствовала себя глубоко уязвленной этими словами. Ответь ей так резко Анна или Светка, она бы не восприняла это так болезненно. Тихая же, неизменно приветливая, даже угодливая Наталья никогда и ни с кем не разговаривала таким тоном. Кроме разве что Насти, но та, в общем, того заслуживала.

В ее реплике Лера явственно расслышала намек на свою некомпетентность и отсутствие стажа работы, и это было обиднее всего. Она молча повернулась и вышла из палаты, оставив сестер разбираться между собой.

От всех этих передряг к обеду голова у Леры нещадно трещала. Не помогли выпитые одна за другой две таблетки анальгина, и она уже подумывала, не подхватила ли грипп.

Анна утащила ее в буфет, но еда показалась Лере безвкусной и даже отвратительной. Так и не притронувшись к ней, она вернулась в отделение и попыталась сосредоточиться на делах.

Нужно было привести в порядок документацию, про которую в отделении ходили мрачные шутки, что она не дает врачам заниматься больными. В самом деле, необходимость вести бесконечные записи выматывала докторов, отнимая у них огромное количество времени и сил.

Пару дней назад Максимов просмотрел истории болезни пациентов из всех пятнадцати палат, объявил, что это не карты, а филькина грамота, и потребовал, чтобы к концу недели все записи были в полном порядке. Лера уже проштрафилась с рентгеном, поэтому хорошо представляла себе, что скажет шеф, проигнорируй она этот приказ.

Стараясь не обращать внимания на головную боль, которая все усиливалась, Лера старательно корпела над картами, переписывая в них результаты бесчисленных анализов, температурные данные и выполненные назначения. Она так втянулась в это нудное дело, что не заметила, как наступил вечер.

Народ в отделении постепенно рассосался, стало тихо, и Лера с удовлетворением отметила, что писать ей осталось всего ничего, а головная боль с наступлением тишины вроде бы слегка отпустила. Она вылезла из-за стола, с наслаждением потянулась, расправляя затекшие от многочасового

сидения мускулы, и вышла в коридор.

Почти тотчас дверь максимовского кабинета распахнулась – появился заведующий и двое незнакомых мужчин. Один, чернявый и бородатый, похожий на цыгана, нес в руке дипломат. Другой, полноватый, лысый, в расстегнутом пуховике, что-то вполголоса говорил Максимову. Тот внимательно слушал, лицо у него было сосредоточенным и серьезным.

Все трое, не заметив Леру, завернули прямиком в восьмую палату, плотно закрыв за собой дверь. Она в растерянности остановилась. Интересно, кто это? Почему расхаживают по отделению в верхней одежде? Она прислушалась, но говорили в палате тихо, лишь скрипучий голос Скворцова раздавался четче других, хотя слов все равно было не разобрать.

Разбираемая любопытством Лера уже хотела войти следом за странными посетителями, но тут дверь снова открылась, и Максимов и незнакомцы оказались прямо перед ней.

– О! – весело проговорил заведующий, будто не он с утра устроил Лере нагоняй. – Вот и наша Валерия Павловна. Знакомьтесь.

– Очень приятно, – без улыбки произнес чернявый. Толстяк в пуховике посмотрел на Леру исподлобья и молча протянул ей пухлую руку, на мизинце которой красовалась массивная золотая печатка.

Лера брезгливо пожала ее, вопросительно взглянув на Максимова.

– Кажется, Валерия Павловна, вы интересовались родственниками старика Скворцова. – Шеф кивнул на мужиков: – Вот они. Лично хотят с вами познакомиться. Они обеспокоены уходом Светланы Алексеевны, опасаются, что теперь состояние Ивана Степановича может ухудшиться. Я убедил их в обратном.

– Спасибо, – холодно поблагодарила Лера.

Очень ей нужна защита Максимова, да еще перед этими молодцами! Вот, значит, они какие, опекуны деда! Хороши, ничего не скажешь. По виду настоящие

бандиты.

Впрочем, может, это и есть бандиты, кто их знает? Ясно, что от таких не только яблок не дождешься, но и вообще ничего человеческого. Небось дали взятку кому надо, чтобы оформить опеку над стариком, и ждут не дождутся, пока он копыта отбросит.

Чернявый между тем искоса взглянул на Максимова, помялся и произнес не очень уверенно:

– Ну… как там наш дедуля? Держится?

– Держится, – кивнула Лера, чувствуя, как неприязнь к этим мужчинам переходит в откровенную злость. – Хорошо, что вы подошли ко мне. Я давно вам хотела кое-что сказать.

Толстяк и чернявый переглянулись, затем последний переложил дипломат из руки в руку и кашлянул.

– Почему вы никогда не навещаете старика? – продолжила Лера. – Вы же его опекуны, говорите, что волнуетесь о его здоровье, а сами за полтора месяца ни разу не появились. Передачи не приносите. Не стыдно?

Чернявый снова, уже более сурово, взглянул на Максимова. Тот отвернулся.

– Девушка, – неожиданно тонким, режущим ухо фальцетом заговорил цыганистый мужик, – вы нам замечания делаете, а сами работаете здесь без году неделя. Мы люди занятые, нас в Москве долго не было.

– Не было, – подтвердил мужчина в пуховике. – Мы все по делам. В поездках.

– Могли найти кого-нибудь, – не сдавалась Лера, – нанять старушку, оставить ей денег, чтоб приносила еду, фрукты. Знаете ведь, как в больницах кормят.

– Вы нас не учите! – неожиданно с угрозой произнес толстяк. – Еще неизвестно, как вы сами справляетесь со своими обязанностями. У вас ведь нет стажа, мы знаем.

– Иван Степанович на меня не жалуется, – парировала Лера. – Можете посмотреть историю болезни. Он чувствует себя значительно лучше, получает нужное лечение, за ним смотрит медперсонал. Чем вы можете быть недовольны?

Мужик криво усмехнулся. Лера почувствовала, что ему нечем крыть, и снова пошла в наступление.

– Ни у кого родственники так себя не ведут, – твердо проговорила она. – Если вы заняты, извольте как-то решить хотя бы проблему передач. Я уж не говорю о простом человеческом отношении к старику!

– Деловая, однако, – обратился толстяк к Максимову. – Из молодых да ранних. Не было бы с ней проблем.

Лера даже задохнулась от возмущения. Да как он смеет? Говорит так, будто ее и нет тут, обсуждает профессиональные качества, словно у нее нет диплома врача, а в отделение ее взяли Христа ради!

Она открыла было рот, чтобы высказать нахалам все, что думает, но Максимов вдруг крепко сжал ее локоть, призывая молчать.

– Не будет никаких проблем, – твердо произнес он. – Валерия Павловна – врач хоть и малоопытный, но человек старательный и толковый. Если что, мы ей подскажем, как действовать, и она все выполнит. Так что с лечением вашего подопечного будет полный порядок. Полный. – Заведующий подчеркнул последнее слово. – Даже не сомневайтесь.

Толстяк кивнул, однако видно было, что он все равно недоволен. Чернявый опять переложил дипломат из руки в руку и вытер вспотевшую ладонь о брюки. Он выглядел теперь более приветливо, чем его спутник, хотя ее первое впечатление о них было обратным.

– Ладненько, – обратился чернявый не то к Лере, не то к Максимову, – нам пора. Надеюсь, вы отвечаете за свои слова. Так?

– Так, – подтвердил шеф.

– Тогда до свидания. – Чернявый пожал Максимову руку, кивнул Лере и, подхватив мрачного, молчаливого толстяка под руку, удалился.

Максимов наконец выпустил ее локоть, который он продолжал стискивать все это время. Ей показалось, что его смуглое лицо слегка побледнело. Почему он так церемонился с этими деятелями? Может, они ему отстегивают, чтобы к деду получше относились в больнице? Лучше бы потратились на гостинцы.

– Истории болезни оформили? – прежним суровым голосом спросил заведующий.

– Почти.

– Вот идите и оформляйте, – тоном, не терпящим возражений, приказал шеф.

Лера молча кивнула и пошла в ординаторскую. Голова загудела сильнее прежнего. Она полезла за новой таблеткой, но махнула рукой – была не была! – открыла шкафчик, где у предусмотрительной Анны всегда стояла начатая бутылка коньяка.

Это Лере будет сейчас в самый раз, чтобы начисто забыть обо всей гадости, которая ее окружает: о бывшем муже, об опостылевших бумажках, о мерзавцах опекунах несчастного деда, которые только что унизили ее на глазах заведующего отделением. А главное – о самом Максимове!

Она поспешно налила коньяк в стопку и залпом выпила. Затем, не колеблясь, еще полстопки. Именно так боролась со стрессом сама Анна – и всегда добивалась желаемого результата.

Однако не тут-то было. Что хорошо для одного, не всегда подходит для другого. Голова, правда, вскоре прошла, но настроение у Леры нисколько не поднялось, наоборот, стало совсем паршивым. Ничего не хотелось: ни заполнять эти дурацкие карты, ни идти с вечерним обходом, ни вообще находиться в отделении.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/bocharova_tat-yana/voz-mi-menya-s-soboy

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить